

МАТЕРИАЛЫ
XXXVII Международной
филологической конференции

11–15 марта 2008 г.

Санкт-Петербург

Выпуск 11

УРАЛИСТИКА

Факультет филологии и искусств
Санкт-Петербургского государственного университета
2008

Ответственный редактор:
Н.Н. Колпакова

М34 **Материалы XXXVII Международной филологической конференции**
11–15 марта 2008 г. Вып. 11: Уралистика / Под ред. Н.Н. Колпаковой. —
СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. —76 с.
ISBN 978-5-8465-0811-8

ББК 81.2

ISBN 978-5-8465-0811-8 © Коллектив авторов, 2008
© Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008
© С. В. Лебединский, оформление обложки, 2008

МАТЕРИАЛЫ
XXXVII Международной филологической конференции

Выпуск 11

УРАЛИСТИКА

11-15 марта 2008 г.
Санкт-Петербург

Научное издание

Оригинал-макет подготовлен *Н. Добрягиной*

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.

Объем 3,90 авт. л. Тираж 100 экз. Заказ № 776.
Факультет филологии и искусств СПбГУ
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11.

ОНУТ Ф-та филологии и искусств СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Университетская наб., 11

Аасмяэ Нина

Тартуский Университет, Эстония

О ВАРИАТИВНОСТИ ПРОСОДИИ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вступление

В нашей статье приводятся некоторые данные, полученные в исследовании вариативности просодии в эрзянском языке¹, на основе которых делается вывод относительно разницы во взаимосвязи между вокализмом, действием ударения и количественными характеристиками гласных в диалектах. В частности, рассматривается вопрос о редукции гласных, своеобразие которой в эрзянском языке заключается в том, что она происходит при подвижном ударении, не имеющем смысловоразличительной функции. В эрзянском языке, как и в других финно-угорских языках в целом, различается система гласных начальных и не-начальных слогов, подчиненная, главным образом, гармонии гласных. В ряде диалектов взаимодействуют две системы – наряду с гласными начального и не-начального слогов различаются гласные ударного и безударного слогов. В безударных позициях происходят явления фонетической и фонологической редукции гласных.

Фонетическая редукция, наблюдаемая в различных языках, является следствием сокращения длительности гласного, в результате которого основные акустические характеристики не реализуются полностью. Фонологическая редукция – это явление, при котором происходит нейтрализация фонем и в определенной позиции реализуется лишь часть фонемного состава². Данные, представленные в статье, свидетельствуют о том, что в диалектах эрзянского языка, вследствие вариативности просодии (главным образом

ударения), редукция гласных в безударных слогах представлена разновидностью явлений фонетического и фонологического характера.

Анализ данных

Методика исследования. В исследовании были получены данные относительно степени подвижности ударения и длительности гласных ударных и безударных слогов в словах, состоящих из 2-4 слогов (общее количество слов-897). В материале представлены образцы речи, характерные для 4 основных групп эрзянских диалектов³, которые различаются по ряду признаков, включая редукцию гласных. В записях участвовало 33 информанта в возрасте 18-25 лет; для анализа была использована выборка из кратких ответов (одно слово), произнесенных информантами в разговоре с автором, например: *Ялгат улить?* – *Улить./Арасть.* (У тебя есть друзья? – Есть./Нет.). При повторном вопросе/ответе место ударения в анализируемых словах могло быть смещено на другой слог. После многократного прослушивания материала было определено место ударения в словах, а затем была измерена длительность ударных и безударных гласных. Акустические измерения проводились при помощи компьютерной программы PRAAT.

Частотность начального и не-начального ударения. Место ударения может быть связано с действием различных факторов, например, с лексическим значением слова или структурой слога⁴. В эрзянском языке этот вопрос мало изучен. В данном случае в центре внимания была частотность ударения на начальном и последующем слоге слова. Было установлено, что в тех диалектах, которые характеризуются редукцией гласных, ударение преимущественно ставилось на начальном слоге (70 % случаев). В тех диалектах (а, следовательно, и в литературном языке), где редукция гласных не наблюдается, не было существенной разницы в частотности ударения на первом и втором слогах. Анализ обнаружил явную зависимость между тенденцией начального ударения и редукцией гласных в последующем безударном слоге. Это позволяет сделать заключение о том, что в диалектах с безударной редукцией гласных начало слова достаточно регулярно отмечается ударением.

Длительность гласных в ударных и безударных слогах. Результаты измерения длительности гласных в двухсложных и в трехсложных словах, например *vele* – село, *velese* – в селе (табл. 1), показали, что в речи информантов первой группы нет статистически значимой разницы между Г1 и Г2 ни в двухсложных, ни в трехсложных

словах – ударение и длительность гласных не взаимосвязаны. У информантов в группах 2, 3 и 4 (диалекты с редукцией) длительность гласных в ударном слоге была выше, чем в безударном. Это особенно заметно в трехсложных словах, где гласные третьего слога также имели большую длительность, чем гласные второго, безударного, слога. (Третий слог, по всей видимости, получает дополнительное ударение.) В диалектах, представленных информантами в группе 4, величина Г1/Г2 оказалась выше, чем в других диалектах.

Таблица 1

Средняя длительность гласных (Г1, Г2, Г3) в миллисекундах и отношение между длительностью гласных (Г1/Г2) с величиной стандартного отклонения в двух- и трехсложных словах с начальным ударением (# – число наблюдений). Обозначения статистически значимой разницы между Г1 и Г2: *($p < .05$), **($p < .005$), ***($p < .0005$), ****($p < .0001$)

Слова: двухсложные

трехсложные

Диалекты	#	Г1	Г2	Г1/Г2	#	Г1	Г2	Г3	Г1/Г2
Группа 1	107	108.67	109.31	1.01	57	89.79	86.53	90.88	1.06
		15.86	15.60	0.16		17.14	13.27	16.94	0.27
Группа 2	93	107.86	97.37	****1.13	38	97.45	76.82	83.11	****1.30
		18.85	16.66	0.22		21.82	12.70	22.98	0.34
Группа 3	54	121.91	110.61	**1.15	40	91.68	75.63	88.40	**1.26
		21.08	27.44	0.28		22.41	19.13	25.74	0.34
Группа 4	56	111.55	94.73	****1.21	30	93.74	70.33	82.33	****1.38
		22.49	17.02	0.28		20.69	13.72	23.14	0.37

Указанная выше литература, касающаяся классификации диалектов, и данные, полученные в нашем исследовании, показывают, что эрзянские диалекты различаются по типу взаимосвязи между вокализмом, действием ударения и количественными характеристиками гласных. Общие результаты исследования представлены в табл. 2. В диалектах группы 1 при высокой подвижности ударения гласные ударного и безударного слога по длительности не различаются. В не-начальном безударном слоге выступают гласные полного образования.

В диалектах групп 2, 3 и 4 наблюдается асимметрия в длительности гласных ударного и безударного слога: сокращение длительности гласных безударного слога, в сравнении с гласными ударного слога, приводит к фонологической редукции. В диалектах группы 4 вокализм безударного слога, в сущности, ограничен гласными *a* и *ä*. Остальные гласные – *e*, *o*, *u*, *i* – выступают лишь в особых условиях (например, в

сочетании с определенными согласными). Группы диалектов 2 и 3 обнаруживают сочетание черт, свойственных группам диалектов 1 и 4. Подсистема безударного вокализма отличается сложностью и неустойчивостью вследствие подвижности ударения.

Таблица 2

Вариативность вокализма, проявлений ударения и отношения длительности гласных в ударном и безударном слогах (Г1/Г2) в диалектах эрзянского языка

Диалекты	Ударный / безударный вокализм	Подвижность ударения	V1/V2
Группа 1	<i>i, e, a, o, u / e, a, o, (i)</i>	высокая	V1=V2
Группа 2	<i>i, e, a, o, u / ё, а, ъ, (i), (ə)</i>	сравнительно высокая	V1>V2
Группа 3	<i>i, e, a, o, u / (e), а, (o), и, i, ə</i>	ограниченная	V1>V2
Группа 4	<i>i, e, a, o, u / (e), а, (o), (u), (i), ə</i>	низкая	V1>V2

В некоторых диалектах с редукцией гласных в ряде случаев (например, перед сонорными) в начальном слоге отмечается реализация гласной э (рэмтмс – собирать), которая обретает качество гласной полного образования при перемещении ударения на начальный слог. Таким образом, общий для всех диалектов вокализм начального слога (*i, e, a, o, u*) подвергается изменениям. Природа гласной ё, которая в некоторых диалектах встречается как в начальном, так и в не-начальном слоге, в свете этих данных требует изучения.

Заключение

Данные, приведенные в статье, свидетельствуют об изменении в просодии слова в эрзянском языке – фонологизации ударения, которое маркирует начало слова и создает условия для развития фонологической редукции гласных в не-первом слоге. Эта тенденция в разной мере проявляется в диалектах – в некоторых из них наблюдается нейтрализация оппозиций гласных в безударном слоге, в других гармония гласных устойчиво противостоит изменениям.

Примечания

- ¹ Aasmäe, N. 2006: Stress and Quantity in Erzya. – *Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuens* 6, Tartu: Tartu University Press; Aasmäe, N. 2007: Rhythm related effects in Erzya. – *Linguistica Uralica*, XLIII, 4, 268-282; Aasmäe, N., Ross, J. 2005: How free is alternating stress in Erzya? – *Linguistica Uralica*, XLI, 2, 134-143; Aasmäe, N., Ross, J. 2007: The phonetics-phonology

- interface of Erzya stress: morphological conditioning of vowel reduction. – *Proceedings of the 16th International Congress of Phonetic Sciences, Saarbrücken, August 6-10, 1213-1216.*
- ² Barnes, J. 2006: *Strength and weakness at the interface: Positional neutralization in phonetics and phonology.* Berlin/New York: Mouton de Gruyter; Lindblom B. 1963: Spectrographic study of vowel reduction. – *The Journal of the Acoustical Society of America*, vol. 35, 1773-1781; Flemming, E. 2001: Scalar and categorical phenomena in a unified model of phonetics and phonology. – *Phonology* 18, 7-44; Crosswhite, K. 2004: Vowel reduction. – Hayes, B., Kirchner, R., Steriade, D. (eds.), *Phonetically-Based Phonology.* Cambridge University Press, 1-51.
- ³ Itkonen, E. 1971: Zum Ursprung und Wesen der reduzierten Vokale im Mordwinischen. – *Finnisch-Ugrische Forschungen* XXXIX, 1-2, Helsinki, 41-79; Tsygankin 1979 – Цыганкин, Д. В. 1979: *Фонетика эрзянских диалектов.* Саранск; Yermushkin 1984 – Ермушкин, Г. И. 1984: *Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык).* Москва: Издательство Наука.
- ⁴ Guion, S. G., Clark J. J., Harada T., Wayland R. P. 2003: Factors Affecting Stress Placement for English Nonwords include Syllable structure, Lexical Class, and Stress Patterns of Phonologically Similar Words. – *Language and Speech*, 46 (4), 403-427.

Берн А. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

О МОДАЛЬНОМ ГЛАГОЛЕ *TULLA* В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время автор статьи работает над кандидатской диссертацией по теме «Модальность в финском языке (стилистический аспект)». Финский язык располагает большим количеством структурных и семантических способов передачи модальных значений и оттенков значений речи и текста. Целью нашего исследования является анализ специфики употребления, взаимодействия с контекстом средств выражения модальности в финском языке, описание их прагматического потенциала, выделение типичных для каждого из функциональных стилей модальных средств. Полноценное рассмотрение данной темы предполагает совмещение направленностей от средства выражения к содержанию и от содержания к средству выражения. Это подразумевает разделение средств выражения модальности на центральные и периферийные. С одной стороны, разграничив модальные средства, носящие общий и специфический характер, можно

выделить более и менее употребительные средства выражения модальности относительно всей системы. С другой стороны, вне зависимости от данной классификации для каждого отдельного контекста можно выделить свои центральные и периферийные средства выражения модальности. В данной статье предлагается рассмотреть один из частных вопросов нашей диссертации – особенности функционирования модального глагола *tulla*.

Не всеми финскими лингвистами глагол *tulla* рассматривается как модальный¹, но мы попытаемся доказать его принадлежность к модальным глаголам, учитывая степень его грамматикализованности и выражаемые им значения различных видов модальности.

Глагол *tulla* (**tule*) – финского происхождения. У него есть этимологические соответствия во многих родственных языках, например, карельское и эстонское *tulla*, вепсское *tulda*, водское *tullak*, ливское *tūlda*, марийское *tolaš*, ненецкое *to-*, селькупское *tü-*. В письменном финском языке употребляется с XVI века, в том числе также в модальном значении².

В современном финском языке к конкретным значениям глагола относятся такие как «прибывать к цели», «достигать цели», «появляться», «приходить, чтобы что-то сделать»; «рождаться», «происходить от», «стать объектом», «объявиться», «следовать из», «достигать», «наступать (о времени, сроке, времени года)», «формироваться», «рождаться об урожае», «происходить», «развиваться, изменяться (о состоянии)»³. В модальном значении глагол употребляется для выражения обязательности и необходимости. Он употребляется также для указания на действие, которое произойдёт в будущем.

Согласно исследованиям путей грамматикализации языковых единиц в различных языках, основные модальные значения современных модальных глаголов развились из конкретных значений *знания, движения со значением достижения цели в пространстве (прибытия), получения, существования, обладания, становления, намерения, обещания и неизбежности*⁴. Это находит своё отражение также при рассмотрении конкретных значений финских модальных глаголов. У глагола *tulla* деонтическое значение обязательности развилось на основе конкретных значений *движения, становления*, содержащих указание на результативность. Значение обязательности глагола включает в себя также значения *возможности (динамической), желания, уверенности субъекта волюнтаривности* (термин А. В. Бондарко⁵). Известно, что у модальных глаголов,

выражающих облигаторность, может появиться значение будущего времени⁴. Это произошло и с глаголом *tulla*.

Глагол *tulla* изначально употреблялся в сочетании с третьим инфинитивом, по аналогии с другими глаголами финского языка, выражающими достижение цели (*joutua, päästä*). В данном сочетании глагол выражал также модальное значение и будущее время. Параллельно уже в старофинском языке для выражения обязательности в сочетании с глаголом стала употребляться краткая форма первого инфинитива. Это могло произойти под влиянием шведского языка. Поэтому употребление первого инфинитива было характерно главным образом для письменного языка⁶.

В современном финском языке значения форм третьего и первого инфинитива смыслового глагола при глаголе *tulla* дифференцированы. Первый инфинитив употребляется для выражения долженствования, что характерно для всех глаголов финского языка, выражающих облигаторность (например, *pitää, täytyä*). За сочетанием глагола с третьим инфинитивом закрепились значения будущего времени. Для современного языка, в особенности устной речи, не характерно широкое использование глагола *tulla*, и его можно было бы отнести к периферийным средствам выражения модальности. (Наиболее употребительными лексическими средствами выражения долженствования являются глаголы *täytyä, pitää*.) Существуют, однако, определённые контексты, в которых наиболее подходящим средством передачи модальных отношений является глагол *tulla*, в силу некоторых специфичных оттенков его значения. Глагол используется, прежде всего, в текстах инструктивного характера, юридических и законодательных.

Употребление данного глагола распространено, например, в рубриках «Часто задаваемые вопросы» на сайтах различных служб (например, налоговых). Следующие примеры, представляющие собой запрос информации и ответное руководство к действию, взяты со страниц сайта, посвящённого платежам за телевизионные услуги⁷.

Вопрос: *Tarvitseeko minun maksaa tv-maksua tietokoneesta?* – «Нужно ли мне производить оплату телевизионных услуг за телетрансляции на компьютере? (буквально «за компьютер, на котором проходят телетрансляции»). В вопросе употреблён глагол «нуждаться», указывающий, скорее, на личную потребность спрашивающего.

Ответ: *Tietokoneesta, jolla on mahdollista vastaanottaa reaaliaikaisia tv-lähetyksiä, tulee maksaa tv-maksua.* – «За компьютер, при помощи которого возможно получать

телевизионные передачи в режиме реального времени, следует производить оплату телевизионных услуг». Глагол *tulla* позволяет передать нейтральное отношение к реализации действия. В приведённом примере содержатся лишь общие указания на то, как вообще следует действовать в описанной ситуации.

Центральным для глагола *tulla* является выражение деонтической модальности. Однако если речь идёт о достижении конкретных целей для реализации чего-либо, глагол указывает на динамическую необходимость, позволяя констатировать причинно-следственную взаимосвязь определённых ситуаций. *Jotta Vietnam pystyisi tyydyttävästi ruokkimaan väestönsä, riisiä tulisi korjata ainakin 18 miljoonaa tonnia vuodessa.* (HS 20.8.2004)⁸ – «Чтобы Вьетнам смог в достаточной (буквально «удовлетворительной степени») накормить своё население, необходимо было бы (буквально «следовало бы») собирать, по крайней мере, 18 миллионов тонн риса в год».

Глагол выражает высокую степень уверенности в реализации чего-либо. Агент должен выполнить действие, иначе он нарушит определённые правила. Источником следующего примера является Конституция Финляндии. *Oikeuskanslerin tulee olla läsnä valtioneuvoston istunnoissa.* «Канцлер юстиции обязан присутствовать на заседаниях Государственного Совета»⁹.

Следующий пример представляет собой письменный официальный приказ начальника одной из пограничных служб Финляндии подчинённым (речь идёт о возможности пересечения неким лицом государственной границы России и Финляндии со стороны России): *Henkilö tullaan käännyttämään Venäjälle 19.09.2006 klo 18.00.* – «Лицо будет возвращено в Россию 19.09.2006 klo 18.00». В данном случае сочетание глагола с формой первого инфинитива выражает высокую степень уверенности в том, что лицо будет возвращено, это приказ. В случае, если бы была использована форма первого инфинитива и значение глагола явно выражало бы деонтическую модальность, значение предложения можно было бы трактовать по-другому. Лицо должно было бы быть возвращено согласно нормам. Можно предположить, что форма первого инфинитива с глаголом выражает всё же меньшую степень уверенности в результативности, нежели сочетание с третьим инфинитивом. За третьим инфинитивом исторически закреплено значение уверенности в результативности действия.

Выражение будущего времени тесно связано с выражением эпистимической модальности, оценки говорящим порядка вещей. Поэтому можно сказать, что глагол может выражать также эпистимическую уверенность говорящего в чём-то.

Можно заключить, что *tulla* является полноценным модальным глаголом финского языка: он может выражать все три вида модальности (динамическую необходимость, деонтическую обязательность и эпистимическую уверенность или будущее время). Долженствование и необходимость, на которые указывает глагол, связаны с внешними факторами: каузаторами являются нормы, предписания, социальные установки, обязанности агента, предусмотренные нормами и правилами. Глагол указывает на высокую степень облигаторности, одновременно с этим значение глагола не включает в себя каких-либо дополнительных оттенков, указывающих на отношение агента или субъекта волонтактивности к действию. Этим объясняется употребительность глагола в вышеперечисленных контекстах. Значения динамической необходимости и будущего времени тесно взаимосвязаны со значением долженствования. Глагол указывает на высокую степень уверенности в том, что определённая ситуация будет иметь определённые последствия, и что в силу определённых причин определённое положение дел не может не быть реализовано.

Безусловно, приведённый анализ глагола *tulla* нельзя считать полноценным и завершённым. Многие вопросы требуют более глубокого и подробного анализа.

Примечания

¹ В качестве модального глагол рассматривает Х. Кангасниemi (Kangasniemi Heikki. *Modal expressions in Finnish*. Helsinki SKS, 1992. P. 347).

² Nykysuomen etymologinen sanakirja. Kaisa Häkkinen. Juva, 2004.

³ Kielitoimiston sanakirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, Helsinki. Jyväskylä, 2006.

⁴ Bybee J., Perkins R., Pauglica W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. The University of Chicago press, Chicago, 1994. P. 191–205.

⁵ Теория функциональной грамматики / Под ред. А. В. Бондарко и др. Л., 1990.

⁶ Saukkonen Pauli. *Itämerensuomalaisten kielten tulosjainfinitiivirakenteiden historiaa 1*. Helsinki, 1965. P. 151–153.

⁷ Интернет. <http://www.tv-maksu.fi/index/tietoa/ukk.html>

⁸ Передовица издания Helsingin Sanomat 20.8.2004.

⁹ Suomen perustuslaki. Vammala, 2000. P. 53.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАНСИЙСКИХ (ВОГУЛЬСКИХ) МИФАХ

Существует несколько подходов к решению проблемы определения пространственно-временных отношений: философско-эстетический, психологический, общеискусствоведческий, филологический. Филологический, в свою очередь, можно подразделить на литературоведческий, лингвистический и фольклористический. Все эти подходы при определении пространства и времени взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Мы остановимся только на фольклористическом и рассмотрим примеры пространственно-временных отношений в мансийских (вогульских) мифах. На сегодняшний день данный вопрос не был предметом специального рассмотрения.

При анализе пространственно-временных отношений важное значение играет жанр фольклорного произведения, поэтическая условность которого определена традициями народа.

Представления о пространстве и времени составляют одну из самых основных категорий человеческого бытия, являясь важнейшими элементами мифологической картины мира.

В мансийском (вогульском) фольклоре выделяются следующие жанры:

1. Мифы, легенды, предания, в том числе космогонические мифы (ялпың мбйт).
2. Героические песни (тёрның эрыг).
3. Богатырские песни (блып эрыг) или военные песни (хонт эрыг).
4. «Слова, заклинаящие (вызывающие) бога» (Төрөм сатмил) или молитвы, с которыми люди (чаще всего шаман) обращаются к божествам (кастыл эрыг).
5. «Медвежьи песни» (уй эрыг).
6. «Сценки, танцевальные песни, исполняемые на медвежьем празднике» (тулыглап эрыг).
7. «Лосиные» песни, «песни животных» (сорп эрыг).

8. Различного рода сказки (мõйт): сказки волшебные, общественно-бытовые, сказки о животных, сказки об Эква-пыгрисе, о Прнэ и Мощнэ и т. д.

9. Песни (эрыг), особо выделяются «песни судьбы»: **женские песни** (нэ эрыг), **мужские песни** (хум эрыг).

10. Загадки (āмысь).

11. Рассказы (потрыг).

12. Пословицы, поговорки, приметы, заговоры, заклинания, запреты – т. е. малые жанры фольклора.

При рассмотрении исследуемой темы, мы остановимся лишь на мифах. (Мы опираемся на материалы, записанные в XIX в. венгерскими учеными А. Регули и Б. Мункачи).

Наиболее древними из всех жанров являются мифы (ялпың мõйт). В них повествуется о сотворении мира: земли, воды, неба; о сотворении человека, животных и растений; о небесных светилах: солнце (хõтал) и луне (этпос), огне (нāй); о природных явлениях: ветре (вõт), грозе (сяхыл); о святом пожаре (ялпың сякв мõйт) и о святом потопе (ялпың вит), о возникновении городов и деревень и т. д.

Уже в первом мифе: Мā тēлым ялпың мõйт 'святой сказ о возникновении земли' повествуется о том, что на островке тундрового холма (тундра сяхыл) живут старуха со стариком (они же: муж и жена): Экваг õйкаг олсыг-хулсыг. Кругом вода.

Поднятие земли из воды было при участии двух гагар (тāхт и лулы) (это ни кто иные как Нуми-Торум и Хуль отыр).

В другом варианте земля была опущена **с неба**:

Сорни-Кворес ягикве, Сорни-Кворес āсикве

Олн тахтып кёр янитыг ты сāңкемлэс.

Сёпыр-нāй Kami-нāй āңкв тав тāратэста,

Хуль-õтыр āги тав сāңкемтэста,

Нумыл-миннэ-товлың-Кальм сāңкемтэста...

Батюшка Золотой Кворес (Золотое небо),

папочка Золотой Кворес

было создано на величину серебряного веретена.

Женщину Сёпыр-най, женщину Ками-най он опустил,
Девушку Хуль-отыра (дочь) (Чертового Богатыря) он создал,
Вверх идущую, крылатую Кальм он создал... [I: 77].

Маг төрмыг тэн петамлэгыг, тэн сәңкемлэгыг,

Хуль-отыр вассыг пйг лэсэхты...

блн инт-кёр янитэгыг

[Совың ма аңкув сәңкемлы...]

Небо и земля они возникают, они создаются.

На величину серебряного котла для клея,

с целью клеить оперение стрелы

самого младшего сына Хуль-отыра,

Создается наш отец Верхнее небо – Нуми-Торум

На величину своего прядильного веретена

серебряного кольца

самой младшей дочери Хуль-отыра,

Создается наша (Мозолистая земля-Мать...).

Еще в одном мифе сначала земля-мать (Ёлы-Төрүм сян) висела между двумя небесами. Ее брат – Нуми-Торум осветил землю солнцем и принес на землю свет месяца (Этпос: букв. 'ночной свет').

Есть мифы, где повествуется о поднятии земли из воды и т. д.

По традиционным воззрениям манси всего семь миров жизненного пространства:

1. Нуми войкан пос 'Верхний белый свет'

2. Кошар Төрүм живет на втором небе. Он отец Корс Торума, дедушка Нуми-Торума и Тапл ойки.

3. Корс Төрүм отец Нуми-Торума (он живет здесь с женой).

4. Нуми-Төрүм. Здесь же живут: Тапал бйка, Төрүм сян, Хбтал эква, Этпос бйка,

Най аги и др.

5. Ялы ма. Земля, на которой живут люди. Кроме людей на земле живут менквы, мисс махум и т. д.

6. Ёлы-ма (букв.: нижняя земля): Хуль отыр, исхор (тени умерших). Вход в эту землю около Хаманёла Салы пос йив люлит ма 'люди высотой с белку'.

7. Амн лёге люлит ма 'земля высоты хвоста собаки'.

В вогульской мифологии природные существа подразделяются на:

- живущих на небе (Хѳтал-Эква, Этпос-бйка);
- живущих в воздухе;
- живущих на земле;
- живущих в воде;
- живущих под землей.

События мифологического времени являются своеобразным метафорическим кодом, при помощи которого моделируется устройство мира.

Многие названия имеют не одно, а несколько понятий: Тѳрум – это Бог, вселенная, погода, небо, эпоха; Най – огонь, небесное светило (солнце), героическая женщина (Най-Эква); хѳтал ‘день’ ‘солнце’ и т. д.

Космогоническим мифам задаются наиболее существенные параметры мироздания и спектр возможных состояний мира. Вся мифология (в том числе традиционная духовная культура) – есть один развернутый комментарий к космогоническому мифу.

К космогоническому мифу можно отнести и сам текст и реалии культовой практики (наскальные изображения, литье, орнаменты и т. д.).

Миф констатирует два начала: добро и зло, верх – низ, свой – чужой, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

В мифе все расставляются по своим местам, каждый выполняет свою определенную функцию: в этом заключена гармония космогонического мифа, в этом есть его феномен.

Анализ космогонических мифов позволяет глубже понять Время, Пространство и Бытие всего существующего на Земле.

О некоторых временных параметрах мансийских мифов:

- укрепление земли уральскими горами происходило семь дней – семь ночей;
- после святого пожара от старика и старухи (оказывается) дети остались, которые «до сегодняшнего дня живут, до сегодняшнего дня счастливы»;
- во время всемирного потопа много народу унесло «во время кипения семи котлов»;
- женщина уходит в мӓнь кол на семь дней-семь ночей для рождения ребенка. Это время называется: нӓ мӓн бӓрм (женского места время).

В мифах часто встречается выражение «человек с наступлением старого мира, человек с наступлением нового мира (Элмхолас йисин тѳрум унтыпыл, Элмхолас нотын тѳрум унтыпыл) или йисин тѳрум – ‘древний мир’, нотын тѳрум – ‘вечный мир’, (йис ‘век, время, эпоха’ нот ‘век, вечно’), или нотын палитыл – ‘всю жизнь’, или Элмхолас йисин тѳрум ‘древний (старый) человеческий мир’:

– «Свою голову батюшка Золотой–Кворес опустил,
пока ледяная рыба, пока снежная рыба
может свариться, такое время без слов (без рта, без языка) сидит [I: 80].

Таким образом, в мансийских (вогульских) мифах имеется как диахронический аспект (как возникла вселенная), так и синхронический (последовательность творения), хотя зачастую они перекликаются.

Литература

- 1 Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. 1-4. k. Bp., 1892–1952.
- 2 Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. 1-4. k. Bp., 1892–1952.
- 3 Munkácsi B. Vogul népköltési gyűjtemény. II/2. Istenek hősi énekei, regéi és idező igéi. Bp., 1910.
- 4 Munkácsi Bernát. In: Szinnyei József: Magyar írók élete és munkái. 9.k. Bp., 1903. (Reprint 1980–1981). P. 379–386.

Горинова Н. В.

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

ПРИЕМЫ КАРНАВАЛИЗАЦИИ В КОМЕДИИ Г. ЮШКОВА «КОМИ БАЛ»

Изучение проблемы карнавализации может стать новым этапом исследования поэтики Г. Юшкова. Как показали работы М. Бахтина, карнавальное начало воплощает в себе особый тип народной смеховой культуры, оказавшей на протяжении многих веков сильнейшее влияние на искусство и художественную литературу. М. Бахтин определил печать карнавализации в творчестве Рабле, подчеркнув, что «хотя он был корифеем народного хора только в эпоху Ренессанса, он с такой ясностью и полнотой раскрыл своеобразный и трудный язык смеющегося народа, что его творчество проливает свет и на народную смеховую культуру других эпох»¹. Закономерно возникает вопрос, как соотносится с карнавальным началом творчество Г. Юшкова, который отделен от Рабле четырьмя веками.

Прежде всего, необходимо выделить основные черты карнавального начала. Первое, что выявляют ученые при изучении карнавала, – это особый тип людских отношений. В Средние века имели место праздники официальные и неофициальные, народные, в число которых входил также и карнавал. Официальные праздники средневековья утверждали

стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, существующих религиозных, политических и моральных ценностей, норм, запретов. Карнавал был антитезой официальным праздникам. Он был враждебен всему готовому и завершенному, всяким претензиям на незыблемость и вечность, был проникнут пафосом смен и обновлений, созданием веселой относительности господствующих правд и властей. Поэтому он стремился разрушить все окостенелое, устойчивое и традиционное. Отсюда его отличительная черта – отступление от правил и норм, как социальных, так и моральных, этических: «Здесь – на карнавальном пространстве – господствовала особая форма вольного фамильярного контакта между людьми, разделенными в обычной, то есть внекарнальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения»².

Переходя к комедии Г. Юшкова «Коми бал», мы сталкиваемся с характерной установкой отступления от правил, от правил социальных, моральных и этических. Так, название комедии Г. Юшкова «Коми бал» явно отсылает нас к стихотворению коми поэта И. Куратова «Коми бал» (1865 г.). Коми балом И. Куратов назвал деревенские посиделки – «рытпукалом». Называя деревенские посиделки балом, И. Куратов подчеркивает их внутреннюю организованность, присущую дворянским балам: для каждого персонажа стихотворения поэт выводит только ему характерные функции – грудной ребенок плачет, дети сидят на печи, молодежь поет и пляшет посреди избы, в углу одинокая старуха, выпив вина, притоптывает в такт пляшущим и тихонечко плачет. Исследователь П. Лимеров утверждает, что «в контексте поэтической системы И. Куратова изба, в которой проходят описываемые поэтом посиделки, имеет значение мира в целом. Вход в избу равнозначен рождению, а выход – смерти, а «во множестве образов присутствующих – и «младенцев», и «стариков» – угадывается идея движения поколений, движения человеческой жизни от рождения к смерти»³. Таким образом, подчеркнутая И. Куратовым внутренняя организованность коми бала обусловлена символической наполненностью его стихотворения.

Проявлением народного карнавального начала в комедии Г. Юшкова «Коми бал» становится «отступление от правил», разрушение того порядка, который предложил И. Куратов в стихотворении с идентичным названием, а именно противостояние героини комедии Анны традиционному укладу деревенской жизни. В деревенской общине как

нигде в другом месте сильны традиции и обычаи, которые санкционируют поведение каждого его жителя по его возрасту, полу, сословию. Как раз об этом повествует И. Куратов в стихотворении «Коми бал»: за каждым его образом, символизирующим определенный возраст, закреплено определенное поведение, которое другим, по большому счету, невозможно воплотить, как например, старухе пуститься в пляс с молодыми. Деревенские жители, сами того не осознавая, живут по тем неписанным правилам и законам, корни которых идут в далекое прошлое, и не стремятся разрушить стабильность и неизменность деревенской жизни. До того момента, который описывается Г. Юшковым в комедии, Анна также жила по традициям деревенской общины: она уже вырастила единственного сына, похоронила мужа, теперь она одна. По деревенским меркам она должна в одиночестве доживать свой век. Но Анна поступает по-другому: стремится на старости лет снова выйти замуж. Таким образом, она не подчиняется общепринятым нормам, а стремится разрушить сложившийся деревенский уклад, что и является карнавальным «отступлением от норм».

Карнавальная установка отступления от правил напрямую зависит от выбора момента времени – ярмарки, гулянья..., «в которое отменяется принятый тип людских связей, возникает новый мир отношений – мир, отступающий от социальных и моральных правил»⁴. В комедии Г. Юшкова место, куда собираются персонажи, – деревенские посиделки, тоже своего рода гулянья. Необходимо подчеркнуть, что посиделки – неофициальный праздник, поэтому предполагает предпочтение официальному общению общения неофициального, праздничного, которое помогает снять некоторые рамки, по Ю. Манну, моральные и официальные: главная героиня комедии, Анна, приглашает в свой дом людей, которых ее односельчане к себе не пригласили бы. Так, Ветла Толя – совсем непутевый человек: даже избы своей нет; Иса Лиза – гулящая; Парамонов – бывший «враг народа»; Оньо Васьо – пьющий.

Закрыть глаза на недостатки гостей и начать общаться друг с другом более-менее дружелюбно гостям Анны помогает «танец» – песни и пляски, устроенные на балу Ветла Толей после того, как все пришли в дом Анны. Танец – один из основных мотивов карнализации. На карнавале он помогает разрушить социальные, моральные, возрастные, сословные преграды между людьми. Причина этому – всеобъединяющий дух танца: «Признаки танца: полная согласованность – все делают одно и одновременно; всеобщность действия...»⁵. Согласие в танце, «срастание людей в единое существо,

«физический контакт тел»⁶ приводят танцующих к единству: «Народ ощущает свое конкретное чувственное материально-телесное единство и общность»⁷. Цель комедии Г. Юшкова – устранение отчуждения между персонажами, и танец, вернее пляски, устроенные в доме Анны, помогают забыть персонажам то мнение, которое сложилось о них в деревенской общине, и стать «единым целым».

Одним из элементов карнавально-ярмарочных отношений были любовные интриги – «веселые проделки влюбленных с преодолением различных козней, устроенных родителями, соперниками и т. д., с неременным торжеством влюбленных в финале...»⁸. Любовные коллизии – основа комедии Г. Юшкова: все персонажи пьесы приходят в дом Анны, чтобы найти себе пару. При этом посиделки не послужили началом этих любовных интриг, все они имели место еще до этого времени. В доме Анны наблюдается как раз «преодоление влюбленными различных козней», устроенными, как видим, не родителями и соперниками, а общественным мнением.

Первая пара – Анна и Парамонов – не могут сойтись из-за догм советской идеологии. Анна полюбила Парамонова, но не могла выйти за него замуж, потому что сама она была коммунисткой, а он – политссыльным. Она отказалась от любви ради партбилета. Анна вышла за другого, Парамонов женился на другой. Теперь они оба одиночки: вырастили детей, похоронили супругов. Казалось бы, нет ничего, что помешало бы сойтись Анне и Парамонову. Однако Анна считает, что Парамонов не сможет простить ее.

Сложны и драматичны судьбы других женщин в пьесе. Клашѐ пытается, по словам Оньѐ Вася, «привязать» к себе Василия, который, вернувшись с войны, «попортил» многих девушек, в том числе и Клашу. Сейчас еѐ движут обида и злость на Василия. Иса Лиза тоже пытается преодолеть одиночество, «привязывая» к себе Ветла Толѐ, который ничего из себя не представляет, кроме того, что играет на гармонии. У него нет даже избы, ночует у того, кто пустит. Но Лиза и не претендует на большее, считая себя грязной, «промотав» себя с другими мужчинами после неудачи с первым своим возлюбленным.

Как бы то ни было, влюбленные преодолевают все «препятствия». «Карнавальность» коми бала упраздняет эти житейско-бытовые и идеологические барьеры, и все персонажи находят общий язык со своими возлюбленными. Комедия завершается всеобщим примирением: забываются прошлые обиды, уходит озлобленность, забывается возраст. Пьеса заканчивается соединением все любящих, то

есть началом новых семей. С точки зрения карнавального момента, это очень важно, так как образование новой семьи – «указание на продолжающуюся жизнь, ее новую ступень, новый узел в вечно текущем и неостановимом общем потоке»⁹. Рождение новой семьи – это действительно карнавальный праздник становления, смен и обновлений. Коми бал Г. Юшкова подобно средневековому карнавалу стремится снять всяческое разобщение между персонажами комедии, прекратить всякое постоянство, в том числе и постоянное одиночество, и вообще обновить жизнь героев.

Одним из основных персонажей средневекового карнавала был шут. Шут в прошлом считался крайней противоположностью королю как высшей светской власти. Король символизирует силы закона и порядка, шут – силы хаоса. Отсюда свобода для шута говорить и делать все, что ему заблагорассудится. И если других заставляют молчать о каком-либо предмете разговора рамки приличия, то шутам это – не препятствие: «Им присуща своеобразная особенность и право – быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения. Поэтому они могут пользоваться любым жизненным положением как маской... Фигуры эти и сами смеются, и над ними смеются. Смех их носит публичный народно-площадный характер. Они восстанавливают публичность человеческого образа: ... они, так сказать, все выносят на площадь, вся их функция к тому и сводится, чтобы внешняя (правда, не свое, а отраженное чужое бытие, но другого у них и нет)»¹⁰.

В комедии Г. Юшкова «шуты» также имеются – это Помаида и Якё Опонь, самые пожилые персонажи. Если выяснение отношений остальных трех пар полно драматизма и напряжения, то сюжетная линия, связанная с Помаидой и Опонем, не имеет острого конфликта. На первый взгляд они просто дурачатся. Создается впечатление, что автор ввел в пьесу комические ситуации с Помаидой и Опонем, чтобы смягчить конфликт произведения, который походит более на драматический, нежели комический. Благодаря «шутовскому» поведению Помаиды и Опоня комедия Г. Юшкова становится действительно комедией.

Комическо-шутовские, в первую очередь, отношения «ударившихся в молодость» стариков, по большей части – кокетство Помаиды перед Опонем. Заигрывая друг с другом, они то грубоваты, то нежны, то ироничны. Резкие перепады настроений Опоня и Помаиды и есть выражение комедианности в пьесе.

Создание комических ситуаций – не единственная функция Помаиды и Опоня на коми балу. Им как настоящим шутам присуще обличение других персонажей, по термину М. М. Бахтина, «овнешнивание» чужой правды. Если остальные персонажи тактично скрывают свое отношение к пьянству и распутству некоторых, но Опонь и Помаида не могут молчать и выражают свое отношение к неправильному поведению, что чаще всего имеет форму сарказма. Можно привести в пример следующие высказывания Помаиды: Ветла Толе – «Ты никогда не развеселишься! Если только литр не выдуешь»; Василию – «Сто раз уже насытился всякими женщинами. Ведь не разорвало тебя? Как ты смеешь отнекиваться?... Скольких попортил после войны!»

Мотивы, образы, сцены, традиционно связанные с народной карнавальной культурой, – не только основа художественности комедии Г. Юшкова «Коми бал». Карнавальное начало в пьесе помогает выявить отношение автора комедии к советской идеологии. Освобождая Анну и Парамонова от идеологических разногласий, Г. Юшков тем самым обличает идеи советского государства сам. Он отчетливее ощутил пропасть между гуманистическими идеалами советского государства и его реальными законами, в которых царят тоталитаризм и догматика, которые разобщают людей, заставляя ненавидеть друг друга. Несмотря на то, что Советского Союза уже нет (пьеса написана в 1993 г.), его законы все еще действуют в подсознании бывших советских граждан, незримо руководя их мыслями и поступками. Г. Юшков в комедии «Коми бал» стремится разрушить эти законы, применяя приемы карнавальности.

Примечания

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 15.

² Там же.

³ Лимеров П. Ф. Диалог с жизнью вечной // П. Ф. Лимеров, И. А. Куратов: лейтмотивы творчества. Научные доклады. Коми научный центр УрО РАН; Вып. 431. Сыктывкар, 2001. С. 27.

⁴ Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 12–13.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 15.

⁷ Бахтин М. М. Указ. соч. С. 277.

⁸ Манн Ю. В. Указ. соч. С. 13.

⁹ Там же. С. 13–14.

¹⁰ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 309.

ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ РИТМА В ПРОЗЕ КОМИ ПИСАТЕЛЯ В. ЧИСТАЛЕВА

Послереволюционный период в истории коми литературы отмечен активным поиском новых художественных форм и средств выражения художественного содержания. Стремление к новому в жизни и в литературе, жажда новизны и свободы стали стимулом для экспериментов и поисков. Считалось, что для нового содержания революционной эпохи нужны и новые, свободные художественные формы и средства, в то время как классические, привычные, уравновешенные формы казались устаревшими, исчерпавшими себя и не имеющими потенциала для выражения этого нового содержания.

Так, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. коми поэт, прозаик, автор нескольких драматических произведений и один из основоположников коми советской литературы В. Т. Чисталев затронул важную теоретико-литературную проблему о формах коми поэзии, став участником дискуссии, состоявшейся между ведущими писателями, поэтами и критиками этого периода. В. Чисталев выступил со своей статьей «О формах коми поэзии» (1929) на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Ордым» (Просека), высказав мысль о том, что в своих поисках новая коми литература должна обратиться к «упрощенной» форме стиха новых советских поэтов В. Маяковского, А. Безыменского, К. Асеева, при этом отказавшись от классической формы стихосложения¹. Творчество самого писателя отмечено постоянным поиском новаторских форм «на стыке» стиха и прозы. Его поэтические произведения во многом изменились под влиянием прозы, а прозаическая структура его произведений, постоянно испытывая на себе влияние лирического пафоса, наоборот, оказалась достаточно проницаемой для различных стиховых элементов и разных типов экспансии лирического и стихового начала. И в своем творчестве, и в литературоведческой статье В. Чисталев заявил о своем желании встать на путь смелого дерзания в области ритма и вдохновения. Писатель постоянно искал новые средства выражения, не прекращал исследования свойств силлабо-тонического стихосложения и в то же время разрабатывал самые разнообразные стихотворные и прозаические формы.

Результатом литературных экспериментов В. Чисталева стало его обращение к различным художественным формам: белому стиху в поэзии и своеобразной метризованной и ритмизованной прозе, внесение в структуру прозаических произведений не только лирического, но и стихотворного элемента. Особенности же той или иной переходной формы в литературном произведении определяются и его ритмической организацией: она занимает важное место в его художественном, идейном и эмоциональном содержании.

Одной из важнейших особенностей ритмической организации прозы В. Чисталева является использование в ней стихотворного метра. В литературоведении такую прозу называют метризованной. Это проза, в которой для создания и усиления ритма используется художественный прием силлабо-тонического упорядочивания текста. В ряде прозаических произведений В. Чисталева стихотворный метр является одним из основных и важнейших ритмообразующих факторов. Ритм в таких произведениях базируется на употреблении стихотворного метра (чаще всего дактиля), и в них создается стихоподобие миниатюрностью самого прозаического целого, его структурно-жанровой ориентацией на модель лирического произведения «в стихах». Исследователь В. А. Латышева метризованные фрагменты в прозе В. Чисталева считает самыми органичными, так как в них не только передаются красота, звуки и ароматы северной природы, но выражается и внутреннее состояние героя, повествователя, самого автора. А дактиль, частое использование которого объясняется особенностями коми языка, эпической речи коми и особенностями рассказчика, создает мелодию и лейтмотив текста². В основном это проза, сюжет которой или ослаблен, или вообще отсутствует: это описания природы, фрагменты, связанные с выражением мыслей и чувств героев, лирические отступления в рассказе «Трипан Вась», в миниатюрах и зарисовках «Тулыс воём», «Тёлб», «Поводдя вежсигён», «Пётка сьылбм шыён», «Арся лунб». Например, в прозаической зарисовке «Поводдя вежсигён» (Когда меняется погода, 1920) ритмической константой как раз является трехсложный метр – дактиль, создающий впечатление ритмического единства всего текста:

ПОВОДДЯ ВЕЖСИГЁН (Когда меняется погода)

«Тёла... Кымбръяс энэжті тбъзбны-мунбны бдйб. Сувтовкост мыччысьлб лбзалан пыдбстбм энэж. Шондыс бдйбджык удитлас видзбдны, зарния юбрънас бвтыштас мусб. Регыд кежлб. Кымбр пласт бара нин шондбс вевттьб. Тэрыба котбртас кок увті кымбрлбн вуджбр,

усиливают в первую очередь внешнее, формальное, а затем и содержательное стихоподобие прозаического текста:

«Копрасьё сю, вашкѡдчѡ ид – кѡсийѡдѡ йѡвваа, азьваа шьд...» (Клонится рожь, шепчет ячмень – обещая перловый, с кислинкою, суп...)

«Куйѡдсѡ сюян тѡд, **трундаѡн** суктан, быдторсѡ му пыткад крестьянин **кундас**... (Навозом удобришь тебя, торфом сгустишь, все замешает в землю крестьянин...)

«Орчѡн со тонѡ сулалѡ сю, выныс нѡ сылѡн весиг джын мында абу, но быдмѡ тай, нинѡм оз шу...» (Рядом вон колышется рожь, сил у нее нет и вполовину, но растет она, ничего не говорит...)

В ритмической организации прозаических произведений В. Т. Чисталева на первый план выходят и иные ритмообразующие элементы. Большей частью это обилие различных повторов, также свойственных и ритмической организации стиха: это повторы фонетические (например, частое повторение звуков: чер шыяс, шков кылѡ нѡпшасьѡм шы, швачкѡны-кыѡны, шаргысьѡ дзавьян шы; виялѡ вевт вылысь войтва), лексические (чукѡрѡн-чукѡрѡн; нѡджѡник, нѡджѡ зѡв усьѡ; потшѡсысь потшѡсѡ, майѡгысь майѡгѡ; пугысь пугѡ, мырѡысь мырѡѡ; некодѡс эськѡ ме ог кор ас дѡнѡ, ны некодѡс; ѡтиѡс сѡмын, дзик ѡти другѡс ассьым ме сибѡда ас дѡнѡ; ниаѡй, ниаѡй; пипугѡй, пипугѡй), повторы и схожее построение фраз, изосинтаксизм (синтаксические повторы) (ылын ва сайын тыдалѡ вѡр – кывтыдын зѡв ылын лѡзалѡ слуда юр; мунѡсны кымѡрьяс – весасис энѡжыс). Так, в произведении «Ылі йѡз мусьян ас чужан му йылысь» (С далекой чужбины о родной земле) ритм во многом основывается на подобных мерах повтора. Здесь нет сюжета как такового, и все произведение строится на противопоставлении двух пространств – чужой земли и родного края – в монологе субъекта повествования. Ритм произведения основан на этом противопоставлении и чередовании картин реальных, близких и картин-воспоминаний двух пространств в сознании повествователя. В создании ритма данного произведения автором используются повторы на всех уровнях прозаического целого. Это повторы фонетические, выражающиеся в частом употреблении схожих гласных и согласных звуков, через которые выражают отношение субъекта повествования к изображаемому. Так, например, в описаниях картин чужой земли, где находится повествователь, скучающий о далекой родине, преобладают частые повторы громких и твердых согласных звуков, обладающих звукоподражательным эффектом и выражающих страх, неприязнь его к техногенному, индустриальному западу: кыр йылын, джуджыд

кыр йылын, Днепр ю дорын, вез моз, йиркѡдѡ, гымалѡ, зыкыс, дѡзмѡдѡ, сѡдмытѡдз, тогда как в описаниях родной земли преобладают повторы сонорных согласных (н, л, м), которые, объединяясь в повторы слов и фраз и организуя параллельные синтаксические конструкции со схожим количеством и построением колонов, образуют своеобразный ритмический рисунок текста – медленный, плавный, напевный, как песня о далекой родине:

«Шондѡйс, югыд шоныд шондѡйс сѡлѡмѡс шонтѡс, небзьѡдѡс. А

Тѡлыс, асыв-вой тѡлыс ыркѡдѡс, пожьялѡс чужѡмѡс менсьым». В

(Солнце, яркое теплое солнце сердце мое обогрело, смягчило.

Ветер, северо-восточный ветер остудил, прополоскал лицо мое).

Строгая ритмизация в этом прозаическом произведении В. Чисталева служит в первую очередь раскрытию внутреннего мира человека – его чувств, переживаний, эмоций, меняющихся по мере того, как сменяются в сознании повествователя картины природы. Картины чужого края повествователь видит перед глазами, пейзажи родной земли живут в его воспоминаниях, а в его душе они противопоставлены друг другу, окрашены в цвета и оттенки его настроений и переживаний. Поэтому в центре произведения предстает прежде всего субъект, духовная личность, многогранность которой автор стремится исследовать и с помощью создания особого ритма произведения.

Задавшись целью описать внутреннюю (духовную) жизнь человека, писатель ориентируется на лирический тип изображения, в котором эмоциональность, приподнятость речи, лиризм стихов сочетаются с повествовательностью прозы. Именно лирика делает объектом своего познания душу лирического «я» и воссоздает душевный строй, настроение автора. Лирический принцип прозы В. Чисталева заключается в специфике описания внутреннего мира героя. Как и в лирике, в центре его прозаических произведений – жизнь внутреннего «я», которую художник исследует. А ритм, построенный по законам создания ритма в поэзии и использующий элементы стихотворного ритма, становится способом лиризации прозы коми писателя.

Примечания

¹ *Тима Вень. Тима Вень. Коми поэзия формаяс йылысь (О формах коми поэзии) // Ордѡм, 1929. № 12. С. 55.*

Зиявадинова О. С.

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

НАТУРФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ И. А. КУРАТОВА И З. Ф. ДОРОФЕЕВА

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) был поэтом-философом: он проявлял глубокий интерес к вопросам о смысле жизни, сущности человека, а также его отношения к природе. В. Н. Демин писал, что Куратов был знаком с экономическими теориями Прудона, Милля, с произведениями В. Гюго, Г. Гейне, Ф. Шиллера и английских философов¹. Это свидетельствует об осведомленности коми лирика о новейших веяниях в области естественных наук и философии, знании мировой культуры и поэзии. Как поэт он формировался под воздействием русской и мировой культуры, в которой был выражен философский взгляд на мир, и это усилило его стремление к философским обобщениям. Он, в целом, не был поэтом натурфилософского склада мышления, но его понимание мира включало в себя натурфилософский аспект, как один из важнейших для его индивидуальной мировоззренческой системы.

Рассмотрим отражение в лирике натурфилософских представлений автора. Поэт пытался философски осмыслить феномен природы, проникнуть в тайны ее устройства и определить место человека в ней. Об этом свидетельствует его стихотворение «Со кызд сійбс тōда ме» (Знаю я ее такой, 1867). Что дает нам основание говорить о форме художественно-философского осмысления природы? Во-первых, это форма произведения, представляющая собой размышление о природе, целью которого является открытие закономерностей ее устройства. Во-вторых, интеллектуально-аналитическая направленность мысли, использование системы философских понятий: материя, движение, конечность-бесконечность, жизнь-смерть и другие, что, в конечном счете, создает философски осознаваемую картину мира.

Осмысление природных явлений привело И. А. Куратова к выводу, что природа вечна и бесконечна. Автор не стремился идеализировать природу, показать в ней то, что хотелось бы ему видеть – мир и любовь к человеку, он открывал реальную природу, «остро ощущая холодное безразличие ее к людям»². Поэта потрясает ее «суровое безразличие ко всему живому, отсутствие у нее нравственного начала, бесчувственность к добру и злу»³:

...И кор войны сы водзын
Пондан – вой, оз мездыв!
Коть тэ кызди кевмысь сэн,
Коть тэ кызди чездыв!

...И когда тонуть пред ней
Будешь – тони, не спасет!
Хоть как ты молишь там,
Хоть как ни старайся!

Поэт пытается осмыслить место человека в мире. Природа, по мнению автора, – живое, бесконечное, величественное начало, она «вознесена над людьми и холодна в своем недоступном человеку бессмертии»⁴. Человек же понимается им как маленькая частица большого мира, вселенной, он бессилен перед силами природы, зависит от нее, пытается воззвать к ее помощи. Поэт философски осмысляет проблему разлада человека с природой: причина его заключается, по И. А. Куратову, в том, что живая индивидуальность оказывается чуждой обезличенному потоку жизни. Кроме того, природа долговечна, а существование человека скоротечно, и это определяет различие закономерностей жизни, природной и человеческой. Природа, по мнению поэта, не может сделать жизнь человека прочной и счастливой. Он замечает, что в природе осуществляется гармония вечности и цельности, но в ней не хватает важного, завершающего элемента: в ней нет человеческой чуткости, способности к состраданию. Это – трагическое понимание природы, которое было продиктовано острым осознанием неустроенности человека в мире, поэтому его можно определить как социально-философское истолкование отношений человека и естественной среды.

В художественном мире мордовского поэта З. Дорофеева, как и в лирике И. А. Куратова, отразилась философская мысль эпохи, мысль о бытии природы и вселенной, о связях существования с вселенской жизнью. Один из основных мотивов его творчества – в проблеме истоков, корней бытия: что такое вселенная и земля, каковы тайны рождения и смерти. Какое место занимает человек в мире и в чем его судьба.

Что касается художественного мышления исследуемых нами авторов, то оно наиболее ярко отразилось у обоих мастеров слова в концептах основных тем, мотивов и образов поэтического творчества.

Восприятие мира, осознание человеком себя в пространстве Вселенной, осмысление своего места в мироздании – в центре внимания в стихотворении З. Дорофеева «Много, много сил великих» (1911). По мнению поэта, все «жизненные и природные процессы строго целесообразны, и даже смерть человека, какой бы тяжелой по своим последствиям она ни была, не в состоянии разрушить закономерностей бытия»⁵. Непрочность человеческой жизни противопоставляется в данном случае вечности природы, как подлинно реальному.

Для авторов характерен сплав живописно-точного, пластического изображения с синтетической многозначностью, расширяющейся до символа (так, солнце, излучающее свет – символ надежды).

Особое место в художественном мире И. Куратова занимает образ солнца – шондїбан, так как солнечный свет он понимает необходимой предпосылкой не только формирования и эволюции жизни на земле, но и существования человека и общества. Символика солнечного света широко используется в его художественном творчестве. Поэт рассматривает солнечный свет не как символ красоты, предмет восхищения и радости, хотя эстетическое воздействие света на человека является одной из важнейших проблем эстетики. На первое место он ставит предназначение света как источника жизни: «Шондї йылысь» (О солнце, 1867). Необходимо заметить, что поэт осмысляет образ солнца на разных уровнях. Во-первых, И. А. Куратову присуща социальная трактовка образа света. Тенденции подобного изображения ощущаются в стихотворении «Шондї йылысь» (О солнце, 1867), которое начинается обращением к солнцу. Произведение вводит нас в круг забот крестьянина: на севере солнце светит редко, нет хорошей земли и урожая. Солнце как персонаж в данном случае – деталь скорее земная, чем небесная. Речь о ней идет не в возвышенных тонах, в описаниях почти нет подробностей. Оно воспринимается как обыденное явление.

Во-вторых, образ солнца в поэзии И. Куратова несет на себе символическую нагрузку. В произведениях «Том ныв» (Молодая девушка), «Шондї садьмас, шондї чеччас» (Солнце проснется, солнце встанет), «Пемыд» (Тьма) светлое солнце

противопоставлено мраку, тлену, оно является символом свободы, наступления новой жизни.

Образ-символ солнца, который означает обновление, развитие жизни, обнаруживаем и в поэзии З. Ф. Дорофеева: «Летнее утро», «К солнцу», «Здравствуй, солнышко багряное...» и др.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что характер изображения природы в творчестве рассматриваемых нами авторов во многом определяется их мироощущением, решением философских вопросов о сущности вселенской жизни, пониманием незащитности человеческой жизни перед лицом космоса и дисгармонии общественных отношений.

Примечания

¹ Демин В. Н. Рифмою крылатой свяжем строки. Сыктывкар, 1999. С. 27.

² Вулих Н. В. Поэзия добра и света. Сыктывкар, 1994. С. 57.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же.

⁵ Кубанцев Т. И. Становление творческой индивидуальности писателя в контексте национально-художественных традиций: Автореф. дис. д. филол. н. Саранск, 2006. С. 28.

Колпакова Н. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет

КЛАРА ЕВГЕНЬЕВНА МАЙТИНСКАЯ – ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ И ТАЛАНТЛИВЫЙ УЧИТЕЛЬ

О Кларе Евгеньевне Майтинской вспоминают прежде всего как о выдающемся ученом, специалисте по финно-угорским языкам. Ее роли в развитии финно-угроведения и оценке ее научного наследия, по понятным причинам, в основном был посвящен и мой доклад на международной конференции, которая была организована в ноябре прошлого года в Москве в связи со 100-летием со дня ее рождения. К. Е. Майтинской были написаны сотни статей по самым разнообразным проблемам финно-угорских языков и

ряд монографий, среди которых «Местоимения в мордовских и марийских языках» (1964), «Местоимения в языках разных систем» (1969), «Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков» (1979), «Служебные слова в финно-угорских языках» (1982), а также замечательный трехтомник «Венгерский язык» (публиковавшийся с 1955 по 1960 год)¹, уникальность которого в отечественной специальной литературе до сих пор остается непревзойденной. К. Е. Майтинская была членом редакционной коллегии и автором двух самых больших разделов первого тома «Основ финно-угорского языкознания» (1974) – «Сравнительной морфологии финно-угорских языков» и «Вопросов сравнительного синтаксиса финно-угорских языков»². В третьей части «Основ финно-угорского языкознания» (1976) ее перу принадлежит очерк о венгерском языке³. Во многом благодаря К. Е. Майтинской в работе над этими книгами приняли участие венгерские ученые Янош Гуя, Эва Шал, Карой Редעי и Иштван Эрдейи. К. Е. Майтинская была одним из ответственных редакторов увидевшего свет в 1966 году третьего тома «Финно-угорские и самодийские языки» пятитомного издания «Языки народов СССР» и написала вводные очерки к разделам «Финно-угорские языки» и «Обско-угорские языки»⁴. Позднее она стала автором одного из разделов книги «Финно-волжская языковая общность» (1989)⁵. В 1993 году появился первый том энциклопедического труда «Языки мира» под названием «Уральские языки», одним из ответственных редакторов и авторов которого в процессе его подготовки была К. Е. Майтинская. К сожалению, в этой книге мы видим ее фамилию в черной рамке. Для «Уральских языков» ею были написаны очерки «Финно-угорские языки» и «Венгерский язык»⁶, под ее руководством осуществлялась также общая разработка и унификация очерков этого тома.

Упомянутые выше научные произведения, несомненно, служат богатейшим источником знаний по финно-угроведению, но лишь в самом общем виде, коротко представляют то, что создано Кларой Евгеньевной.

Не менее значимой, чем научно-исследовательская деятельность, была и ее работа по подготовке научных кадров в области финно-угроведения. С 1953 года она руководила работой аспирантов по прибалтийско-финским, мордовским и угорским языкам. Ее учениками были более 30 кандидатов филологических наук. К. Е. Майтинская читала лекции по введению в финно-угорское языкознание, проводила консультации по самым разнообразным финно-угроведческим проблемам, принимала кандидатские экзамены.

вела занятия по венгерскому языку и выступала в качестве официального оппонента на защите диссертаций.

Те, кому посчастливилось работать под руководством Клары Евгеньевны над диссертацией, и ее коллеги, отмечают, что особое внимание она всегда уделяла работе над текстом и этого же требовала от своих учеников. Она прекрасно писала на русском языке, который ей пришлось выучить как иностранный. Какой бы темой ни занималась К. Е. Майтинская, какой бы по объему ни была ее публикация (будь то небольшая статья или монография), самыми яркими, характерными чертами созданного ею текста всегда были доступность и ясность изложения, а также большой иллюстративный материал. Отличное владение русским языком позволяло ей порой избегать употребления бесцветных, но уместных клише и, благодаря оценочным словам в кавычках, более эмоционально (чем это обычно принято в научном тексте) формулировать свое негативное отношение к решению обсуждаемой проблемы. Например, анализируя в одной из своих статей освещение вопросов грамматического строя в описательных грамматиках финно-угорских языков, она писала: «Между тем в отношении суффиксов, выражающих видовые значения, в описательных грамматиках проводится своего рода "уравниловка": одни грамматисты продолжают их рассматривать в традиционном плане исторических грамматик,... другие, наоборот,... целиком переносят их в раздел грамматических категорий глагола»⁷.

Любимой темой Клары Евгеньевны на протяжении всей ее научной деятельности были местоимения. Пристальное внимание к проблематике, связанной с этой частью речи, вполне понятно, и актуальность исследований в этой области не требует особых доказательств. Однако, подчеркивая свое особое отношение к этой тематике и стремясь заострить восприятие читателем обсуждаемого материала, К. Е. Майтинская также отступает от стереотипного для научного текста набора средств выражения и использует более образные формы, благодаря чему в ее интерпретации многое приобретает большую убедительность и экспрессивность. В одной из своих ранних работ («Местоимения в мордовских и марийских языках»), например, она дает следующую характеристику местоимениям: «Местоименные слова (т. е. местоимения и их производные) образуют как бы музей языка: они почти не заимствуются и сохраняют в своем составе следы древних звуковых изменений, исчезнувших падежных и словообразующих формантов, следы способов редупликации и словосложения...»⁸.

В дальнейшем К. Е. Майтинская переходит к типологическому исследованию местоименных слов на материале почти 250 языков и языковых групп мира⁹. Много внимания она уделяет и изучению служебных слов в финно-угорских языках¹⁰. В одной из своих последних публикаций, в книге «Финно-волжская языковая общность» (1989), К. Е. Майтинская вновь обращается к исследованию местоименных и служебных слов. Ее перу принадлежит один из разделов этой книги, в котором для выяснения степени близости волжско-финских и финно-волжских языков она неожиданно объединяет местоименные и служебные слова, аргументируя такое нестандартное решение тем, что «в отличие от слов других категорий, они не выражают понятий (не являются «назывательными» словами)»¹¹.

Неслучайно с начала 50-х годов одним из постоянных направлений деятельности К. Е. Майтинской становится редакторская работа (литературное редактирование публикаций на русском языке!). Под редакцией К. Е. Майтинской вышел в свет перевод первой научной грамматики «Венгерский язык» Йожефа Балашша¹², второе переработанное издание первого в нашей стране Русско-венгерского словаря¹³, третье издание Венгерско-русского словаря с составленным ею грамматическим справочником венгерского языка¹⁴, книга «Уральские языки и народы» Петра Хайду¹⁵. С 1962 по 1967 год К. Е. Майтинская входила в состав редколлегии и была одним из авторов четырех выпусков сборника «Вопросы финно-угорского языкознания»¹⁶. Она была членом редколлегии журнала «Советское финно-угроведение», на страницах которого также выходили ее статьи.

Можно без преувеличения сказать, что более сорока лет научно-педагогической деятельности К. Е. Майтинской в Институте языкознания Академии наук в Москве представляют собой целую эпоху. Ее научное наследие является частью классической финно-угроведческой литературы в нашей стране. Сейчас, по прошествии многих лет, ее публикации продолжают служить образцом научного стиля и структурно-смысловой организации научного текста. Очень хотелось бы, чтобы молодые ученые нашли в трудах К. Е. Майтинской не только богатейший источник информации по финно-угроведению, но и услышали стилистическую выразительность ее речи, увидели в стандартизированном научном тексте индивидуальную форму представления знаний.

Примечания

¹ Майтинская К. Е.: Венгерский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955; Венгерский язык. Ч. II. Грамматическое словообразование. М., 1959; Венгерский язык. Ч. III.

- Синтаксис. М., 1960; Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964; Местоимения в языках разных систем. М., 1969; Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979; Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.
- ² Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.
 - ³ Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. С. 342–414.
 - ⁴ Майтинская К. Е. Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 9–25; 316–318.
 - ⁵ Серебренников Б. А., Ермушкин Г. И., Майтинская К. Е. Финно-волжская языковая общность. М., 1989. С. 175–261.
 - ⁶ Языки мира. Уральские языки / Гл. ред. Ярцева В. Н. М., 1993. С. 20–31; 256–279.
 - ⁷ Майтинская К. Е. Принципы составления описательных грамматик финно-угорских языков // Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961. С. 48.
 - ⁸ Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. М., 1964. С. 3.
 - ⁹ Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.
 - ¹⁰ Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.
 - ¹¹ Серебренников Б. А. и др. Указ. соч. С. 175.
 - ¹² Балашиш Йозеф. Венгерский язык. М., 1951.
 - ¹³ Хаас Э. С. Русско-венгерский словарь / Под ред. К. Е. Майтинской. М., 1951.
 - ¹⁴ Кахана М. Г. Венгерско-русский словарь / Под ред. К. Е. Майтинской. М., 1959.
 - ¹⁵ Хайду Петер. Уральские языки и народы. М., 1985.
 - ¹⁶ Вопросы финно-угорского языкознания: Вып. I. М., 1962; Вып. II. Грамматика и лексикология. М.-Л., 1964; Вып. III. М., 1965; Вып. IV. Ижевск, 1967.

Кузнецова Т. Л.

Институт языка, литературы, истории КНЦ УрО РАН, Сыктывкар

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В КИНОПОВЕСТИ Ю. ЕКИШЕВА «АНГЕЛ РОДА»

В киноповести «Родвуж андел» (Ангел рода, 1997) Ю. Екишева, названного московским критиком Е. Ермолиным «одним из лучших современных прозаиков среднего поколения»¹, проявилось стремление выявить некие сущностные, закономерные связи, определяющие движение жизни, уяснить их противоречивую суть.

Произведение построено так, что автору удалось воссоздать неуловимое, порой не поддающееся объяснению единение противоречий, что составляет живую ткань жизни. В противостоянии уже заложена мысль о неизменном, мудром последовательном движении жизни: вечное борение поглощено вековой поступательной мощью. Концентрация негативных (но убедительных в жизненной достоверности, узнаваемых, невероятно близких реальности) черт в характерах самых близких главному герою людей – отца и друга, болезненное восприятие их проявлений мальчиком по-своему также выражает неизменную, извечную борьбу противоречий. И в отношении отца к «гримасам» жизни как естественным, нормальным её проявлениям находит выражение мощная стихия движения жизни. Неспроста утверждающий, жизнелюбивый пафос, отчетливо звучащий в произведении, связан с образами отца и друга главного героя.

Думается, лежащие в основе образов метафорические связи с животными и птицами («Отец. Характер дикий, хищного коршуна. Внешнее сходство – растрепанные волосы, блестит стальной зуб. В отличие от матери, на лице, в движениях – всё: гнев, боль, счастье. Род – крылатый, от коршуна до голубя и воробья.»²⁾), справедливо названные критикой «вектором для понимания смысла образа, его тяготения либо к добру, либо ко злу»³⁾, также воплощают естественные, столь свойственные жизни неоднородность и противоречивость. Подобную семантическую наполненность имеют и цветообозначения, играющие определяющую роль в формировании характеров героев («Сестра друга – стала более пухлой и хитрой, ни одного светлого пятна – всё серое и коричневое. Старший брат мальчика – уже мужик, одевается во всё чёрное – сапоги, рубашка, брюки. Волосы, взгляд – тоже чёрные.»).

Движение неброской колористики Екишева (коричневое, черное) оборачивается живым многоцветьем жизни: произведение утверждает незыблемость жизненных устоев, их бытийную значимость.

Ощущение бытийной значимости во многом связано с образом главного героя: для него характерно чувство отрешенности от всего мирского, суетного, ориентация на вопросы вечные (неоднократно демонстрируется неспособность главного героя решить повседневные житейские вопросы). Не случайно по прошествии многих лет друг говорит ему: «Я думал, ты священником станешь». Бытийное звучание в немалой степени придают и семантически ёмкие эпизоды, когда многочисленная семья ловит рыбу с помощью бредня и собирает грибы. Насыщенные эпической глубиной эпизоды, когда на

подводе, грузёной грибами, семья выезжает из леса и когда все с невероятными усилиями справляются с бреднем, словно утверждают непрерывность традиций народа в их будничных, повседневных проявлениях и в конечном итоге – торжество жизни, вечную связь человека с землёй, природой. Ощущение торжества жизни также придает произведению бытийное звучание.

Художественная ткань произведения имеет такую организацию, что течение жизни словно полностью не захватывает героя, составляя своеобразный фон; слегка отстраненная, созерцательная позиция героя создает впечатление, будто он наблюдает ход времени. Воссоздан и путь во времени самого героя. Метафоричная сцена, предвещающая ход действия (её детальное, подробное описание занимает достаточно большой объём; особую роль играют глаголы и глагольные формы, изображающие очень непростой процесс преодоления, достижения) изображает «шествие» героя во времени, что также содействует тому, что произведение наполняется семантикой значимой, имеющей бытийный характер. К читателю приходит ощущение движения времени: воссоздается размеренная поступь жизни.

Думается, особое значение имеет и то, что ко времени вступления главного героя в зрелый период происходит некое сближение рода (в этом – поступательное движение жизни: родовая общность получает онтологическую значимость). В период распада связей, установления всеобщего хаоса автор усматривает нити, все же объединяющие мир и обеспечивающие некоторую стабильность. Важно и то, что единение рода происходит под сенью Господа. Вообще, путь к Господу, непростой, полный испытаний и всяких препон, проходят герои произведения Екишева, и эта стезя, пожалуй, связана с попытками осмысления современного мира, стремлением познать его непростые законы. К автору приходит осознание жизни как неровного, противоречивого, но непрерывного течения (думается, неспроста в произведении, рожденном в драматичный период постперестройки, автором воссоздано время надежд, время «оттепели»). В попытках познать базисные основы жизни, консолидирующие мир, автор актуализирует её нравственные начала; для него крайне важна мысль о духовном, нравственном единении.

Вечные проблемы добра и зла, стремление человека к моральной чистоте, его естественная потребность в существовании нравственного опыта, образующего

традиционную связь поколений – вот что составляет семантические аспекты произведения. Особенности художественного осмысления открывают сложные связи героя с миром.

Примечания

- ¹ Ермолин Е. Художественная литература и критика в русской периодике 2005 года // Континент. 2006. № 1. Январь – март. С. 71–107.
- ² Произведение Екишева представляет билингвистический опыт: написано на русском и коми языках.
- ³ Буданова Е. Послесловие // Екишев Ю. А. О любви от третьего лица: Роман, повести, рассказы. Сыктывкар: Библиотека журнала Арт, 2002. С. 352.

Лисовская Г. К.

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

КАЛЛИСТРАТ ЖАКОВ И ФРИДРИХ НИЦШЕ

Жаков и Ницше – это часть большой проблемы – Жаков и культура XX века. В то же время это и часть проблемы – Ницше и художественная жизнь России. Личность Ницше и его философия неотделимы от российского самосознания с момента появления его идей на русской почве. А в начале XX века, когда творил коми философ и писатель К. Ф. Жаков, Ницше имел беспрецедентное влияние на все аспекты культурного самосознания российской интеллигенции, и, прежде всего, философия Ницше давала толчок литературному мифотворчеству в России через мифологему сверхчеловека и концепцию дионисизма.

Зырянин Жаков, духовные искания которого пришлись на начало XX века, также не мог пройти мимо философии Ницше, потому что Жаков – это прежде всего философ, не по роду деятельности только (как создатель оригинальной философии лимитизма), он был философом всем своим существом. А это значит, был человеком раскованной, свободной мысли, мучительно и страстно пробивавшейся к первоисточкам, первоначалам мысли и бытия. «...В мятущейся душе этого неугомонного искателя истины, влюбленного

в науку до полного самозабвения, было что-то фаустовское: тот же пытливый ум, без усталости вопрошавший природу, та же дерзновенная мечта проникнуть в ее сокровенные тайны, та же неутолимая жажда все познать, все изведать, то же отчаяние в ценности нации, та же мировая скорбь, и томление мятежного духа по «горным мирам». Проклятые вопросы не были для Каллистрата Фалалеевича «сухими академическими проблемами»: он болел ими, скорбел о них всем сердцем, переживая мировую трагедию, как личную потрясающую драму», – так писал в 1926 году в статье «Зырянский подвижник науки» С. О. Грузенберг¹. Сказано о Жакове, а как будто о Ницше. Очень немногочисленна плеяда мыслителей, которых влекут непроницаемые бездны души человеческой, иррациональные глубины жизни. Жаков, как и Ницше, из их числа. Жакова роднит с германским философом стиль мышления, стремление мыслить вне скованности готовыми формулами, отрицание сухого схематизма и самодовольной цеховой учёности. Их мысль лирическая, их размышления окрашены сугубо личными, интимными переживаниями, здесь есть человеческая подлинность. «Лирическим аутсайдером» называют исследователи Ф. Ницше², но таким же аутсайдером и маргиналом от философии до конца жизни оставался и зырянский философ. Для Жакова характерна ницшевская эмоциональная напряженность стиля, обращение к прошлому как перспективе будущего. Жаков, как и Ницше, пишет не для современников, а для будущего. «Напрасно говорят мне друзья, чтобы спокойно писал я, чтобы, озирая литературные произведения, примерялся к вкусам современников. ...Я не могу слушать современников, ибо не знаю, что будет ценить потомство: литературу или правду, а ведь всякий пишет преимущественно для потомства...»³.

Жаков вслед за Ницше убеждён, без художественной фантазии, без захватывающего всего человека творческого импульса нет ни философии, ни жизни. «Ученые постигают лишь скелет жизни, а всемирный сказочник, странник неба и земли, – он видит, и слышит, и знает великое, нежное творчество природы и предчувствует намерения Бога!» – пишет он в рассказе «Миликар и Леонелла»⁴. Лишь творчество способно спасти человека. Творчество для Жакова выше жизни, этим его эстетика близка и Ницше, и философии символизма. «Человек свободен, ибо в нём энергия – воля – идея, творческое начало»⁵, творчество – это «преодоление «трагедии познания» мечтою», – пишет Жаков.

Писатель использует открытия Ницше для выражения философских идей через миф, притчу. «Кто пишет кровью и притчами, тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали

наизусть», «в горах кратчайший путь – с вершины на вершину... притчи – те же вершины...», – пишет Ницше в книге «Так говорил Заратустра»⁶. Романтическая эстетика работы немецкого философа нашла творческое преломление в поэтике рассказов Жакова «Жизнь Пама Бур-Морта» (1905), «Ей Морт Мили-Кили» (1909), «Тогай» (1910), «Беженада-Вирси Урго» (1911), «Золотая сказка» (1911), «Сказка серебряная» (1911) и др., а также в его итоговом произведении – романе «Сквозь строй жизни» (1912–1914) своей обращенностью к проблемам личности, в том числе к избраннической миссии отдельной личности. Главное, что рождает творчество, по мнению Жакова, – «идею сильной личности, преодолевающей все преграды»⁸, «стойкость личности, самобытность и самоцветность воспою я в сказках своих, человека нового»⁸, «сильные люди в моих повестях странствуют по земле и ищут смысла жизни»⁹. Если для притчи главное – душевные переломы, связанные с этическим выбором, то герои Жакова делают выбор в пользу единения с другими людьми. Так, в притче «Золотая сказка» одинокий человек, восходящий на гору (любимая символика Ницше. – Г.Л.), преодолевая трудности, обретает небесную мудрость и возвращается к людям. Несовершенство человека и несовершенство мира, а также возможности их преодоления писатель выводит вслед за Ницше из аполлонийско-дионисийских оппозиций как противоположных начал в жизни и культуре. Жаков в своих произведениях показал гибельность дионисийства, гибельность взгляда в бездну. Огромна и чудесна основная тайна Аполлона – счастье в неведении, трагичен разум, желающий знать истину, устремленный в бездны непознаваемого: рассказы «Уриила» (1905), «Из иньвенских былей» (1912), «Марья Севастьяновна Оплеснина» (1913) и других.

В каждом из мятущихся героев этих текстов встревоженная душа самого писателя. А наиболее полно единство и борьбу Диониса и Аполлона как первоначал своей собственной личности он раскрыл в автобиографическом романе «Сквозь строй жизни». Трагедия духа присутствует в Гараморте – мифологизированном автобиографическом персонаже уже изначально, кармически. Дионисийский хаотический «избыток сил» заложен в нем по линии матери – Устиньи. Особенно ярко он представлен в брате Устиньи – Нялае, это человек «быстрого и великого ума, но еще более великой страсти», «тесно ему было на безлюдном, однообразном севере»¹⁰. «Оргийное безумие» Нялая – от взрыва накопившихся сил, не находящих выхода. От него получил Жаков – Гараморт «неистовый жар души, безумие и храбрость»¹¹. Да и импульс к творчеству дал тот же

нялаевский «переизбыток» чувств, мыслей, стремлений. Итоговый роман писателя отражает стихийную природу его творчества, о чем сам Жаков пишет так: «Его книга пестрит скобками. Она хаотична», – скажут многие, читая «Сквозь строй жизни». – Ну так что ж, – ответу на это я. – Разве природа не плачет и смеется в одно и то же время?...»¹². Однако всю свою жизнь Жаков стремится преодолеть свою природу, преодолеть в себе ницшевский «пессимизм силы», стремится к ясной мудрости старого Фалалея – своего отца и жалеет, что «лишь малая часть мудрости» перешла ему от Фалалея, «малая часть прометеевской прозорливости озарила» его «темную, глубоко страдающую душу»¹³. «Моя душа из хаоса стремится быть личностью, воля хочет господствовать над моими страстями, разум борется с безумием, самообладание с неистовым порывом...»¹⁴. А вот что пишет в своей автобиографии Ницше: «Происхождение мое двойственное... поскольку во мне мой отец, я уже умер, поскольку моя мать, я еще живу и мужаю...»¹⁵. Итог борьбы с самим собой и с внешними обстоятельствами один философ поведал миру в символично-мифологическом, философском романе «Сквозь строй жизни», другой – в символично-мифологической, философской поэме «Так говорил Заратустра». Жаков откликнулся на ницшевский призыв к активности, к самоусовершенствованию, к устремленности вперед: «Я возделываю человека в себе...», «Мне нужно познать себя... О как трудно найти самого себя»¹⁶ и тут же цитирует Ницше: «Где твое право искать дорогу к самому себе? ...Где твое первое движение, в чем твоя инициатива?»¹⁷.

Географические образы, используемые Ницше в качестве метафоры духовного ландшафта (пустыня, горы, долина) – восхождения и спуски, связанные с интроспекцией, поиском судьбы появляются и в романе Жакова. Мифологема странника – основная в обоих текстах. Гараморт, как и Заратустра – изгнанник и скиталец (Заратустра: «Ты уединение – отчизна моя», «Я странник, неустанно восходящий на гору»¹⁸; Гараморт: «Родины моей нет не только на земле – везде я чувствую себя как чужеземец», «Я странник, бесконечность – моя родина»¹⁹. В конце концов, интроверт и маргинал Гараморт, как и ницшевский персонаж, становится проповедником и мудрецом, Певцом и Учителем. Главный итог своей жизни один обозначил так: «Смотрите, я – провозвестник молнии, я тяжелая капля из грозовой тучи, а имя той молнии – Сверхчеловек»²⁰, другой пользуется той же символикой, когда говорит о себе, что он блуждал, «словно тяжелая

туча, между прошлым и будущим», для того, чтобы родить молнию («Молния – творческое начало духа моего»)²¹.

Несмотря на большую близость образов Гараморта и Заратустры, нельзя считать лирическое «Я» Жакова в этом произведении полностью «олитературенным», варьирующим образ Заратустры. Искания Жакова глубоко укоренены в национальную почву. В этом жизненность его рефлексии, востребованность и притягательность для современного национального сознания. Гараморт стал воплощением зырянской души в ее исконном архетипическом проявлении. Он несет в себе черты мифологических персонажей из других произведений Жакова – это трагически одинокий Шыпча, отпавшие от рода Беженада-Вирси-Урго и Тогай, искатели истины Джак и Качаморт и премудрый Пам Бур-Морт, творящий свою судьбу.

Жаков был среди тех, кто вслед за Ницше обратился к подсознательным творческим импульсам, идущим из вневременных глубин как к источнику для создания новой культуры. И он был первым, кто в своем творчестве показал первоначала зырянского духа в переплетении и борьбе хаоса и космоса: мрачного беспокойства, стихийной мощи и «пессимизма силы» – с жаждой жизни и жаждой знания.

Жаков не только прорывался к тому бессознательному, что формировало его личность, но и сознательно строил себя, свой духовный мир, истово мечтая, как и Ницше, стать провозвестником нового, гармоничного человека. И как Ницше определял философско-эстетическое сознание эпохи конца XIX – начала XX века, так Жаков присутствует в сознании национальной интеллигенции конца XX – начала XXI века – как миф, символ и катализатор духовных исканий.

Примечания

¹ Вестник знания. 1926. № 7. С. 485.

² Ф. Ницше и философия в России. СПб., 1999. С. 182.

³ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. Роман. Сыктывкар, 1986. С. 150.

⁴ Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. СПб., Грамотность, 1913. С. 222.

⁵ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни... С. 106.

⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра... С. 39, 24.

⁷ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни... С. 110.

⁸ Там же. С. 193.

⁹ Там же. С. 109.

¹⁰ Там же. С. 46.

- ¹¹ Там же. С. 44.
¹² Там же. С. 306.
¹³ Там же. С. 64.
¹⁴ Там же. С. 119.
¹⁵ Цит. по: Вересаев В. Живая жизнь. М., 1981. С. 223.
¹⁶ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни... С. 105.
¹⁷ Там же. С. 171.
¹⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра... С. 162, 292.
¹⁹ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни... С. 92, 182.
²⁰ Ницше Ф. Так говорил Заратустра... С. 13.
²¹ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни... С. 283.

Лудыкова В. М.

Сыктывкарский государственный университет

СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИАДЪЕКТИВНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Одной из особенностей синтаксиса современного коми языка является то, что прилагательные, как и глаголы, существительные, могут распространяться целой предикативной частью. Образуются сложноподчиненные предложения с присловным придаточным. Прилагательное составляет ядро сложной конструкции. Сложные предложения с приаъективной частью еще не отмечались и не рассматривались в коми грамматиках. Традиционно объектом исследования являлись лишь сложные конструкции с приглагольной и присубстантивной придаточной частью, хотя и они изучены недостаточно. Наши исследования показывают, что в синтаксической системе коми языка прочное место заняли сложные конструкции с приаъективной придаточной частью. Такие синтаксические структуры характеризуются постпозицией предикативной придаточной части по отношению к стержневому прилагательному. Адъектив в главной части неизменно занимает позицию предиката. Придаточная часть присоединяется к адъективному предикату при помощи подчинительных союзов *мый* «что», *да* «да в значении потому что». Придаточная часть, зависящая от прилагательного, может быть

изъяснительной. Известно, что изъяснительную придаточную часть требуют слова, способные к управлению. Это, прежде всего, глаголы, и кроме них, как показывает языковой материал, этой способностью обладают некоторые прилагательные. В качестве зависимого распространителя предикативные части возможны при адъективах со значением состояния, оценки (*шуда* «счастлив», *мыжа* «виноват», русские заимствования *рад* «рад», *прав* «прав»). Приадъективная придаточная часть к главному слову присоединяется при помощи функционального союза *мый* «что». В таких конструкциях сообщается о реально существующих фактах, событиях; объект оценки – событие называется в придаточной части. В сложных предложениях с такими придаточными не используются другие союзы, употребляемые для связи приглагольных изъяснительных (*мед*, *медым* «чтобы» и др.). Приадъективная придаточная часть «уточняет выраженный прилагательным признак указанием на его внутреннее содержание или на лицо – (предмет), в отношении которого он проявляется, т. е. имеют место объектно-ограничительные отношения»¹. Для таких синтаксических структур характерна постпозиция придаточной части, она находится непосредственно за прилагательным. Порядок следования предикативных частей жесткий, он не может быть изменен без разрушения содержания всего предложения: *Васька ноль абу и рад, мый велёдис зонкасё гудёкавыныс*² – «Дед Васька и не рад, что научил мальчика играть на гармошке»; *Ме рад, мый аддзыси тэкёд*³ – «Я рад, что встретился с тобой»; *Ме вёлі шуда, мый ётлаын командировкаё ветлі Ширияевкёд (...)*⁴ – «Я был счастлив, что в командировку ездил вместе с Шириевым (...»); *Даныщиков кутшёмакё вёлі весиг рад, мый талун Исаковёс критикуйтисны*⁵ – «Даныщиков даже в какой-то степени был рад, что сегодня критиковали Исакова». Приадъективные придаточные соотносительны со словосочетаниями с зависимыми компонентами – отдельной словоформой или словосочетанием, – лишёнными элементов предикативности. Зависимый компонент имеет объектное значение, принимает форму датива, ср.: *Ме рад, мый аддзыси тэкёд* – «Я рад, что встретился с тобой»; *Ме рад тэкёд аддзысьдымы* – «Я рад встрече с тобой»; *Абу рад, мый велёдис гудёкасыны* – «Не рад, что научил играть на гармошке» и *Абу рад гудёкасыны велёддымы* – то же (букв. не рад играть на гармошке учению).

К прилагательному, занимающему позицию предиката главной части, способно присоединяться и придаточное причины, содержащее значение обоснования, причины эмоционального состояния, названного в главной части. Синтаксическая связь

придаточной части с таким значением осуществляется при помощи подчинительных союзов *да* «да» в значении «потому что», *мый* «что», *сы вѣсна мый* «потому что»: *Медся нин рад, местаѡ вои да*⁶ – «Больше всего рад, потому что прибыл (я) на место»; *Найѡ Васьѡыскѡд зэв радѡсь, мый Николай Федоровичлы кажитчѡ сиктас овны (...)*⁷ – «Они с Василием очень рады, потому что Николаю Федоровичу нравится жить в селе (...); *Мыжа, мый воши да Мишалы отсасыны зэ сяммы. Шуда, мый эм татиѡм сюсь да бур сѡдѡма ѡрт (...)*⁸ – «Виноват (я), что заблудился и не смог помочь Мише. Счастлив (я), что есть такой сообразительный и добрый товарищ (...)». Сложные предложения с приадективной придаточной частью причины представляют собой распространенный тип синтаксических структур. Порядок следования предикативных частей не такой жесткий. В зависимости от коммуникативной установки месторасположение придаточной части может быть изменено: *Местаѡ вои да, медся нин рад* – «Оттого, что прибыл на место, больше всего рад». При предикативном прилагательном главной части возможны интенсификаторы. В таких конструкциях «стержневое слово характеризуется в отношении степени меры выражаемого им количественного признака (часто с дополнительным оттенком значения). Это построение типично именно для качественных прилагательных: ведь качество может мыслиться как наличие у предмета в разной степени. Этим можно объяснить их широкую употребительность и продуктивность»⁹. Такие конструкции образуются по модели: интенсификатор + прилагательное + придаточная часть: *И ме зэв рад, мый на лыдын и тэнад батьыд да мамыд*¹⁰ – «И я очень рад, что в их числе твои родители»; *Котѡрта бѡрсѡ гортлань, ачым сѣтиѡм рад, мый быдтор судзѡдѡ, сѣтиѡм чѡскыдторьяс судзѡдѡ...*¹¹ – «Бегу обратно домой, сам такой радостный, потому что все достал, такую вкусную еду достал»; *И сѣтиѡм радѡсь, мый ставсѡ ратиѡдѡдѡлим-орѡдѡдѡлим, став важсѣыс мынтѡдѡчим и энѡвтчим*¹² – «И такие радостные, что все оборвали, от всего старого освободились, избавились».

В подобных сложных синтаксических конструкциях главная часть бывает (а) нераспространенной, при этом она может состоять из обоих главных членов или лишь одного из них – адективного предиката; (б) распространенной (в роли распространителя, как правило, используются слова-интенсификаторы): (а) *Шуда, мый мекѡд орчѡдн тэ, Машенька (...)*¹³ – «Счастлив (я), что со мной рядом ты, Машенька»; (б) (...) *папа зэв рад, мый тѡ (...)* *окѡтапырысь сѡгласитчинныд сылы отсышитны*¹⁴ – «(...) папа очень рад, что вы (...) с удовольствием согласились помочь».

Сложные предложения с приаъективной придаточной частью представляют собой одно из инновационных явлений в коми синтаксисе. Они получили развитие под влиянием синтаксиса русского языка, в котором подобные конструкции используются шире и имеют более глубокие корни, «сложные предложения с приаъективной частью фиксируются в русском литературном языке уже в начале XIX в.; на протяжении этого (XX-го) столетия употребительность их возрастает, и к нашему времени отнюдь не являются уникальными, хотя, конечно, и уступают в количественном отношении глагольным»¹⁵. В коми языке такие сложные предложения появились позже, чем в русском. Вероятно, первоначально была заимствована модель *рад* «рад» + придаточное предложение, затем в роли стержневого компонента стали употребляться и другие прилагательные, в том числе и исконно коми. Становление сложных конструкций с приаъективной придаточной частью в коми языке, вероятно, относится ко второй половине XX в. и их функционирование особенно расширяется в последние десятилетия. В текстах начала XX в. они были еще весьма редкими, в исследованных материалах этого периода удалось зафиксировать лишь единичные примеры.

Заметим, что сложные синтаксические структуры с приаъективным придаточным предложением широко распространены в коми-пермяцком языке, в котором заимствован даже подчинительный союз *что* «что», соединяющий придаточную часть с главной, их значение аналогично коми конструкциям: – *Ме, Варя, öddöñ рад, что мийö бора пантасимö*¹⁶ – «Я, Варя, очень рад, что мы опять встретились»; *Санко (...) вöлі рад, что застанитис вонсö*¹⁷ – «Санко (...) был рад, что застал брата»; *Ульяныс рад лoис, что Гаврилыс гортаныс*¹⁸ – «Ульяна стала рада, что Гаврил дома». Подобные структуры удалось обнаружить в коми-пермяцких фольклорных текстах: *Рад купеч, что зоночкаыс шедис киас*¹⁹ – «Рад купец, что мальчика поймал в руки». Предикативное прилагательное способно распространяться придаточными предложениями и в других финно-угорских языках, к примеру, в эстонском языке, в котором в качестве опорных слов изъяснительных придаточных выступают адъективные и субстантивные предикаты со значением оценки: *hea* «хороший», *vastik* «противный», *ime* «чудо» и т. п. в сочетании с глаголами *olema* «быть», *jääma* «остаться», *pidama* «считать»: *See on hea, et sa mind hoiatasid* – «Это хорошо, что ты предупредил меня»²⁰. Предложения с приаъективной придаточной частью, кроме русского, типичны и для других индоевропейских языков, к примеру, для английского²¹.

Примечания

- ¹ Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974. С. 108.
- ² Куратова Н. Йёктігтырйи тувччөмдй. Сыктывкар, 2002. С. 218.
- ³ Напалков В. Чолөм и прөщай. Сыктывкар, 2000. С. 305.
- ⁴ Тимушев А. Помавтөм сылланкыв. Сыктывкар, 2002. С. 20.
- ⁵ Изъяров И. Судзөд меным öшкәмöшка. Сыктывкар, 1975. С. 72.
- ⁶ Савин В. Мусюр сайын. Сыктывкар, 1985. С. 111.
- ⁷ Куратова Н. Указ. соч. С. 281.
- ⁸ Торопов И. Тянлы водзö овны. Сыктывкар, 1980. С. 26.
- ⁹ Прокопович Н. Н. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁰ Изъяров И. Миян грездса нывъяс. Сыктывкар, 1984. С. 149.
- ¹¹ Торопов И. Гижöдъяс чукöр. I юкөн. Сыктывкар, 2003. С. 7.
- ¹² Торопов И. Оштö эн лый кыкысь. Сыктывкар, 1995. С. 235.
- ¹³ Куратова Н. Указ. соч. С. 192.
- ¹⁴ Там же. С. 60.
- ¹⁵ Прокопович Н. Н. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁶ Баталов В. Шепъясьö рудзöг. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1976. С. 192.
- ¹⁷ Минин И. Паныт уйис тöлысь // Пармаын асыв. Кудымкар, 1974. С. 97.
- ¹⁸ Федосеев С. Кусöм бизз. Кудымкар: Пермское кн. изд-во: Коми-пермяцк. отделеннё, 1991. С. 179.
- ¹⁹ Оласö да вöласö. Коми-пермяцкöй сказказз, легендазз, преданнёзз, сказззз, быличказз, висьтассзз. Т. I. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, 1990. С. 51.
- ²⁰ Эрелт М. А. Типы изъяснительных придаточных предложений в эстонском языке // Материалы VI МКФУ. Т. 2. М., 1990. С. 233.
- ²¹ Булакова В. В. Синтаксические структуры современного английского языка. М., 1984. С. 81.

Лыскова Н. А.

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА ТЕРЕШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1913–1986)

25 декабря 2008 года исполняется 95 лет со дня рождения финно-угроведа мировой известности, кандидата филологических наук, старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, доцента кафедры языков,

фольклора и литературы Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института им. А. И. Герцена Терешкина Николай Ивановича. Личность ученого-хантолога (из числа хантыйского народа) формируется в процессе непрерывного созидания, написания фундаментальных трудов, с которыми считаются, перед которыми преклоняются не только отечественные, но и зарубежные ученые. Его судьба во многом повторяется в судьбах многих ученых из представителей малочисленных народов Севера: сын рыбака и охотника сначала оканчивает национальное педагогическое училище, затем – Институт народов Севера им. П. Г. Смидовича в Ленинграде. В Институте народов Севера Николай Иванович Терешкин слушает лекции по хантыйскому языку у немецкого ученого Вольфганга Куртовича Штейница. Позднее он вспоминает: «Я ханты. Для меня хантыйский язык родной. Но учился я хантыйскому языку у немецкого ученого Вольфганга Штейница. И обучение шло на высочайшем профессиональном уровне». Традиции исследовательской и преподавательской работы своего Учителя Н. И. Терешкин продолжает в последующей научной и педагогической деятельности.

В 1940 г. Николай Терешкин успешно оканчивает институт и поступает в аспирантуру. Но учебу в аспирантуре приходится отложить; его призывают в ряды Красной Армии. Затем – фронт, ранение, госпиталь. После госпиталя недолго преподает хантыйский язык в Омском педагогическом институте им. А. М. Горького, в состав которого влились эвакуированные из Ленинграда студенты Института народов Севера.

После войны студенты северного отделения Омского пединститута переводятся в Ленинградский университет имени А. А. Жданова. Николай Терешкин поступает в аспирантуру университета по специальности 10.02.07 – Финно-угорские языки. Его научным руководителем становится основатель советского финно-угроведения, заведующий кафедрой финно-угорской филологии, выдающийся ученый, профессор Дмитрий Владимирович Бубрих. В 1948 г. оканчивает аспирантуру, начинает свою научную деятельность в секторе финно-угорских языков АН СССР. С этого момента Николай Терешкин известен как научный сотрудник Института языкознания АН СССР.

В течение 1947–1956 гг. Н. И. Терешкин совершил пять поездок на Обский Север с целью изучения диалектов хантыйского языка, из них три поездки были предприняты к восточным хантам: сургутским и ваховским. В 40-е – 50-е гг. XX в. собрал на разных диалектах огромный материал по языку и фольклору. В период длительных

командировок в Ханты-Мансийский национальный округ Н. И. Терешкин обследует в языковом отношении северные диалекты хантыйского языка (среднеобский и казымский) и восточные (ваховский, сургутский). Впервые фиксирует и описывает язык салымских хантов. В исследованиях Николая Ивановича имеется много новых наблюдений по фонетике и морфологии восточно-хантыйских диалектов, большое значение имеют также составленные им словники по ваховскому и сургутскому диалектам. Ему же принадлежит краткая характеристика особенностей ряда диалектов хантыйского языка.

Среди записанных образцов речи на всех этих диалектах большую часть составляют записи устных народных произведений. Особенно интересны и многочисленны фольклорные записи на северных диалектах. Общее число записанных текстов без перевода составляет 60 печатных листов.

Вопрос о языках и диалектах ханты был предметом специального обсуждения на Всероссийском совещании по языкам народов Севера, созданном в Ленинграде в декабре 1952 г. Письменным являлся среднеобский диалект. Николай Иванович выразил единодушное мнение присутствующих носителей различных диалектов о необходимости создания письменности еще на четырех диалектах: казымском, шурышкарском, сургутском и ваховском. Относительная сохранность хантыйского языка на сегодняшний день объясняется мудростью ведущих ученых, таких как Н. И. Терешкин и А. Н. Баландин. Востребованные шурышкарский, казымский, среднеобский, сургутский и ваховский диалекты являются до сих пор живыми, сохранился обдорский диалект, исчез лишь прииртышский диалект хантыйского языка.

Ученым была задумана серия очерков диалектов хантыйского языка. Опубликование материалов исследований Н. И. Терешкина пролило свет на целый ряд еще недостаточно изученных вопросов грамматики хантыйского языка. В 1958 г. в сборнике «В помощь учителю школ Крайнего Севера» (вып. 8) опубликована статья «О некоторых особенностях ваховского, сургутского и казымского диалектов хантыйского языка». Автор статьи иллюстрирует, насколько богаче системы вокализма и консонантизма в сургутском и ваховском диалектах, по сравнению с казымским. Приводятся посессивные параллели, императивные соответствия в указанных диалектах. Падежная система ваховского и сургутского диалектов намного богаче системы казымского. В ваховском диалекте различаются четыре формы прошедшего времени, в сургутском (в Агане и Тром-Агане) две формы, в казымском – одна форма.

По сведениям М. П. Баландиной-Вахрушевой, в 1959 г. Николай Иванович закончил работу по описанию сургутского диалекта хантыйского языка. Однако в печати она не появилась.

В 1961 г. выходит в свет монография «Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. 1. Ваховский диалект». Работа состоит из введения, описания фонетики и морфологии с приложением образцов текстов и словаря на четыре тысячи слов. Через шесть лет после опубликования монографии (в 1967 г.) Н. И. Терешкин защищает кандидатскую диссертацию на тему «Ваховский диалект хантыйского языка. Фонетика и морфология». Он участвует в создании трехтомника «Языки народов СССР» (1964–1966). В третьем томе «Финно-угорские и самодийские языки» в очерке «Хантыйский язык» он описывает среднеобский диалект хантыйского языка. Николай Терешкин участвовал в подготовке первого тома (1974) трехтомника «Основы финно-угорского языкознания» (1974–1976).

В 1974 г. выходит в свет его статья «Система склонения в диалектах обско-угорских языков». Н. И. Терешкин составил *сводную таблицу склонения имен существительных в диалектах обско-угорских языков*. Диалекты хантыйского языка он дифференцирует на пять локальных групп, а также включает в сравнительный ряд сосвинский и кондинский диалекты мансийского языка. Слева располагаются падежные форманты восточных диалектов хантыйского языка, обладающие развитой падежной парадигмой с семью косвенными падежами. Справа – форманты диалектов мансийского языка, включающие в себя пять косвенных падежей. Срединное положение занимают южный и северный диалекты хантыйского языка со слабо развитой падежной системой. Следует признать удачной авторскую позицию в дифференциации формантов с точки зрения количества-качества, центра-периферии и локализации диалектов хантыйского и мансийского языков. Данная статья вносит важные сведения в изучение сравнительной грамматики обско-угорских языков.

В 70-е годы XX в. многие языковеды участвовали в становлении нового направления языкознания лингвистической географии. В 1975 г. Н. И. Терешкин публикует статью «Опыт составления лексико-семантической карты хантыйских диалектов».

По просьбе Финно-угорского общества Финляндии Н. И. Терешкин перевел нерасшифрованные тексты на иртышско-кондинском диалекте хантыйского языка, записанные финским ученым-диалектологом К. Ф. Карьялайненом в конце XIX в.

Делом всей жизни Н. И. Терешкина явилось составление словаря хантыйских диалектов. В 1981 г. в издательстве «Наука» издан его уникальный труд «Словарь восточно-хантыйских диалектов», который появился в результате долгих лет кропотливой и во многом рутинной работы. Чтобы успешно завершить главный труд своей жизни, Н. И. Терешкин отказался от преподавания хантыйского языка в ЛГПИ им. А. И. Герцена.

Более 30 лет он читал хантыйский язык студентам и слушателям годичных курсов повышения квалификации. Некоторые из его учеников становятся соавторами учебников для хантыйской школы.

По поручению Министерства просвещения РСФСР Н. И. Терешкин составил первые буквари, учебники и методические пособия на ваховском и сургутском диалектах хантыйского языка. Учебная литература, созданная Николаем Ивановичем, переиздавалась не однажды. Начатое Учителем продолжают его ученики: Н. А. Лыскова, Е. Д. Кулинич, А. С. Песикова и др.

Работы Н. И. Терешкина по хантыйскому языку нашли живой отклик в зарубежных научных кругах – в Венгрии, Финляндии, Германии. В ряде специальных лингвистических журналах на его научные труды опубликованы обстоятельные рецензии.

Литература

- Терешкин Н. И.* Очередные вопросы развития литературного языка ханты // Совещание по языкам народов Севера. М.-Л., 1952.
- Лебедева Е. П.* Подготовка научных кадров из народностей Севера // Просвещение на советском Крайнем Севере. Вып. 8. Л.: Учпедгиз, 1958.
- Терешкин Н. И.* О некоторых особенностях ваховского, сургутского и казымского диалектов хантыйского языка // Просвещение на советском Крайнем Севере. Вып. 8. Л.: Учпедгиз, 1958.
- Баландин А. Н.* Изучение обско-угорских языков в советский период // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Том 167. -.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1960.
- Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. I. Ваховский диалект. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Терешкин Н. И.* Хантыйский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1966.
- Терешкин Н. И.* Ваховский диалект хантыйского языка. Фонетика и морфология: Автореф. дис...канд. филол. наук. Л., 1967.
- Вахрушева М. П.* Первый из ханты. // Просвещение на Крайнем Севере. Вып. 15. Л.: Просвещение, 1967.

- Аристэ П. А.* Ваховский диалект хантыйского языка. Фонетика и морфология. (Рецензия) // Советское финно-угроведение, № 3–4, 1968.
- Терешкин Н. И.* Система склонения в диалектах обско-угорских языков // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Терешкин Н. И.* Опыт составления лексико-семантической карты хантыйских диалектов // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Изд-во АН СССР, 1975.
- Волдина Т. В.* Вклад Н. И. Терешкина в изучение хантыйского фольклора // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филол. науки). Саранск, 2000.
- Терешкин Николай Иванович // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 3. Ханты-Мансийск, Екатеринбург, 2000.
- Терешкин Николай Иванович // Ученые обско-угорских народов. Био-библиографический справочник. Ханты-Мансийск, 2001.
- Терешкин С. Н.* Н. И. Терешкин – ученик В. Штейница // Вольфганг Штейниц – финно-угровед, исследователь хантыйского языка (28 февраля 1905 – 21 апреля 1967). К 100-летию со дня рождения. Ханты-Мансийск, 2005.

Учебная литература

1. Puskin A. S. Stancija vantti he = Пушкин А. С. Станционный смотритель / Пер. Н. Терешкина; Под ред. В. Штейница. Л.: Худож. лит., 1937. 28 с.
2. Байдуков Г. Полюс Элты Америкая = Байдуков Г. Через полюс в Америку / Пер. на хант. яз. В. Алачева; Под ред. Н. И. Терешкина. Л.: Главсевморпуть, 1939. 46 с.
3. Ханты ясынг: Ханты начальной школа 2 класса пата: [Учеб. для 2 кл.] / Ю. Н. Русская, Н. И. Терешкин. Л.; М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1951. 112 с.
4. Букварь: Кантэх нач. шк. подгот. кл.: Вах кантэх кол = Букварь: На яз. вах. ханты. Л.: Учпедгиз, 1958. 152 с.
5. Перевод букваря для подготовительного класса на языке ваховских ханты. – Л.: Учпедгиз, 1956. 48 с. (В помощь учителю хант. нач. кл.).
6. Букварь: Кантэх нач. шк. подгот. кл.пэтан: Сургут кантэх кол = Букварь: Для подгот. кл. хант. нач. шк. на яз. сургут. ханты. Л.: Учпедгиз, 1959. 152 с.
7. Перевод букваря на языке сургутских ханты для подготовительного класса хантыйской (сургутской) начальной школы. Л.: Учпедгиз, 1959. 52 с.
8. Методические указания к букварю на языке ваховских ханты. Л.: Учпедгиз, 1960. 168 с.
9. Букварь: Для подгот. кл.: На яз. сургут. ханты. – 2-е изд., испр. и доп. Л.: Просвещение, 1975. 127 с.
10. Хантыйский язык: Учеб. для подгот. кл.: на яз. сургут. хант. Л.: Просвещение, 1975. 157 с.
11. Букварь: Для 1 кл. хант. шк. (сургут. диалект). Сост. Н. И. Терешкин, Е. Д. Кулинич, М. В. Венго / 2-е изд., дораб. СПб.: Просвещение. СПб отд-ние, 1992. 128 с.

Люблинская М. Д.

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ЛИЧНОЙ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В СЕВЕРО-САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

(к постановке задачи)

Тема данной статьи – констатация отдельного события в ненецком языке как типичного для его грамматической структуры и имеющего прямые аналогии в ближайших родственных языках.

Только что (февраль 2008 года) на сайте www.iphil.peliken.ru был опубликован альманах работ участников семинара «Изучение, сохранение, развитие малых и младописьменных языков России», где я представила статью «В защиту фонологии (на материале ненецкого языка)». В этой статье я обращаю внимание на то, что значимые единицы в структуре языка, начиная от морфемы и кончая текстом, получают свое фонологическое оформление. Это значит, что фонологические единицы языка (сегментные и супraseгментные) изоморфны (приношу благодарность А. М. Певнову за подсказанное удачное определение) его семантическим единицам.

В ненецком языке главный предикат маркируется фонологическим способом: в основе личной формы глагола в индикативе неопределенного и прошедшего времени (далее в сообщении называемой просто «основа») перед личным показателем последняя гласная (если основа исходно оканчивается на гласную) становится долгой.

Пример (1): материал ненецкого языка взят из лингафонного курса ненецкого языка¹, измерение характеристик аудиозаписи показало удлинение последней гласной основы (в 2005–2006 гг. мною была сделана аудиозапись Лингафонного курса, дикторами выступили студенты – носители языка. Примеры были произнесены Яной Тибици (Тазовский р-н, ЯНАО)):

а) ты-'	тэва	б) ты-м'	тэва
<i>оленьGen.Sg хвостNom.sg.</i>		<i>оленьAcc.sg. догнатьAor3sg.Sbj.</i>	
хвост оленя		оленья догнал<он>	

В примере (а) длина слога *-ва* – 0,19 мс, в (б) – 0,24 мс.

с) Хохорэй-'	то.	д) Нея-ми	то.
<i>лебедьGen.Sg крылоNom.sg.</i>		<i>матьNom.sg.Px.1sg. приходитъ-3sg.Sbj.</i>	
крыло лебеда		моя-мать пришла	

В примере (с) длина слова *то* – 0,19 мс, в (д) – 0,233 мс.

В ряде оканчивающихся на гласные основ происходят качественные чередования гласных перед личным показателем, обусловленные исключительно синтаксической ролью словоформы. Выявляется три варианта глагольных основ: в форме инфинитива перед показателем *-сь*, принятая за исходную; индикатива неопределенного и прошедшего времени перед личным показателем; в формах негатива и эмфатива перед завершающим *-'* в смысловом глаголе:

Пример (2):

а) гласная /о/ после твердой заднеязычной согласной /ŋ, k, h/ или после сочетания изменяется на /и/:

-Сз.я.о -> и / _pers.; _ neg.

сянако-сь -> сянаку-дм'; ни-дм' сянаку"

играть я-играю я-не играю

-нзё -> -нзю / _pers.; _ neg.

Также после [пз'-] (*<п) /о/ изменяется на /и/:

пирензё-сь -> пирензю-м'; ним' пирензю"

варить я-сварил я-не сварил

(за исключением *нёхо-сь* 'вспотеть' и *тохо-сь* 'выучиться')

б) гласная /о/ после твердой незаднеязычной согласной меняется на /у/ перед личным показателем, причем палатализованные согласные утрачивают палатализованность (кроме /j/):

-Со -> Су / _pers.

-С'о -> Су / _pers.

н эсо-сь → нэсы-м'

встать на стоянку – я-встал-на-стоянку

хонё-сь → хоны-м'

спать я-спал

хаё-сь → хаи-м'

остаться я-остался

В отрицательной форме гласная /о/ в такой позиции чередуется с /и/, причем палатализованность предшествующего согласного сохраняется:

ни-м' нэсу", ним' хоню", ним' хаю" ²

Если сравнить это свойство грамматики ненецкого языка (оформление глагольной основы главного предиката) с грамматиками родственных северосамодийских языков, увидим аналогичное явление.

В нганасанском языке также, как в ненецком, выделяются три варианта основы, которые могут различаться: форму глагольных основ инфинитива/деепричастия, которую удобно считать исходной; форму 3 лица ед. ч. настоящего времени (PraesPerf, то же, что индикатив неопределенного времени для ненецкого) и форму коннегатива. Эти варианты специально отмечаются в словаре:

(3): туйся «прихать» – туу"о, ту", ися «быть» – ичу, нуо"; мэйси «сделать» – мыы"э, мы" ³. В этом случае основа чередуется перед суффиксом настоящего времени совершенного вида.

В энецком языке, как и в ненецком, суффикс настоящего (неопределенного) времени выражен нулевым показателем, и в соответствующих формах к основе присоединяется непосредственно личный показатель ⁴. По наблюдениям Е. А. Хелимского (устное сообщение), в глагольных личных формах происходит удлинение ауслаутного гласного.

Сопоставление фактов этих трех языков позволяет выдвинуть такие предположения:

- в прасеверносамодийском языке уже произошло фонологическое маркирование основы главного предиката качественным и количественным способами;
- количественное изменение гласного основы в определенной синтаксической роли предполагает констатацию долгих гласных как фонологических единиц (в рассматриваемом случае в ненецком и энецком языках).

Примечания

- ¹ Бармич М. Я. Материалы по ненецкому языку для лингафонных лабораторных занятий. СПб., Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. С. 12.
- ² Подробное описание правил морфологических чередований в глагольных основах см.: Терещенко Н. М. Материалы и исследования по языку ненцев. Л., 1956. С. 71–112; Люблинская М. Д. Морфология глагола ненецкого языка: Автореф. дис... канд. филол. н. Л., 1993.
- ³ Костеркина Н. Т. и др. Нганасанско-русский, русско-нганасанский словарь. СПб., Просвещение, 2001.
- ⁴ Энецкий язык. – Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские языки. М., Наука, 1966. С. 438–457.

Майшева Ю. И.

Санкт-Петербург

МАЙШЕВ ИВАН ИВАНОВИЧ (1904 – 1942)

Мой отец родился в глубинке Вятского края (дер. Кушкалово), а умер в промерзшем, голодном Ленинграде. Ходил в долину реки Летки с диалектологическими студенческими экспедициями, а потом «ушел в Лету». Он был невероятным трудолюбцем. С детства я слышала имена филологов, которые в 20-е – 30-е годы XX века создавали филологическую науку, в том числе уралистику, и которые были кумирами, учителями, а потом и коллегами отца. Это были времена образования Коми, Удмуртской АССР, Коми-Пермятского края (1920–1927 гг.), рассматривались пути развития этих языков.

Детство отца проходило в деревне. Мой дед ушёл на фронт 1-ой мировой в 1915 г., а сын-подросток помогал матери по хозяйству; без сомнения в те годы определились его филологические пристрастия – он усиленно собирал пословицы, поговорки, частушки, эти «накопления» потом долго хранились у нас в доме. В 1918 г. поступил в Нолинскую школу 2-ой ступени, где изучал Ключевского, Платонова, Соловьева и окончил ее с отметками «весьма». В 1923 г. поступает в Вятский пединститут, а тремя годами позже его хотят исключить, так как его отец был репрессирован. Студента спасло заступничество всех преподавателей.

В 1927 г. состоялась защита его дипломной работы «Опыт сравнительного словаря пермяцких диалектов», которую купила Академия наук (Архив СПб РАН, фонд 135, оп. 2, ед. хранения 170, 171). Видимо, избрание такой темы было предопределено студенческими занятиями – он состоял активным членом этнографической секции при НИИ Краеведения в Вятке. Вот темы: «Техника в народном быту Нолинского уезда», «Культура пермяков в Слудской волости Халтуринского уезда» и т. д.

Далее дерзнул быть аспирантом. Зачислен в ИЛЯЗВ (1927–1931 гг. – общее языкознание и пермские языки). По окончании аспирантуры подготовленная по коми языку диссертация не была защищена в связи с отменой защит диссертаций (об этом есть сведения в архиве, где находятся два больших дела на Майшева И. И.). Но будучи доцентом Института журналистики (1931–1940 г.), он продолжает совершенствоваться в области уралистики под руководством Марра, Мещанинова и особенно Д. В. Бубриха. В 1932–1933 гг. ведет семинар по коми языку для студентов университета. И, наконец, в 1937 г. защищает ранее подготовленную диссертацию «Происхождение и развитие послелогов в пермских языках». Был заключен договор на публикацию с удмуртским институтом языкознания и после смерти даже высылали гонорары, но, видимо, публикация так и не состоялась. В 1938 году становится ст. научным сотрудником Института языка и мышления, усиленно работает и в 1940 г. опубликована «Грамматика коми языка» (Сыктывкар), в том же году в Ленинграде – «Грамматика коми-пермяцкого языка». В те же годы подготовил учебник для вузов «Грамматика коми языка сравнительно с коми-пермяцким». Уже шла война, когда проф. Д. В. Бубрих пишет отзыв: «Книга И. И. Майшева имеет объем менее 22 листов. Это наиболее полный из существующих трудов по коми языку. Ранее существовала, кроме весьма малоценных книг и учебников по коми грамматике, только книга акад. Видемана 'Sytjänusche Grammatik'. Книга Майшева дает факты, несравненно более проверенные, чем книга акад. Видемана. Охват категорий значительно шире. Чрезвычайно хорошо разработаны отделы, посвященные употреблению форм. ...Книгу Майшева считаю превосходной и допустимым выдвинуть ее в качестве докторской диссертации» (Фонд 77. Оп. 1, дело 21, 26, 35, 41, 51, 53). В том же архиве в автобиографии отца сказано, что к концу 1942 г. он закончит написание докторской диссертации на тему «Система глагола в пермяцких языках», которую он разрабатывал с 1940 г.

Так или иначе докторская не была защищена – помешала блокада, война. В июне 1941-го отец поехал на окопы. Вернувшись, продолжал работать (Академия наук, университет), похоронил малышку-дочь, пошел в военкомат с просьбой отправить его в ополчение. Было отказано – сильно истощен. 20 ноября был назначен и. о. заведующего кафедрой финно-угорской филологии ЛГУ (в университете он был совместителем).

Умер 29 января 1942 г. в стационаре.

Архив СПбГУ. Картотека профессорско-преподавательского состава. 1940–1948 гг.
УГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 708. Л. 40.

Архив РАН. Фонд, 77, 302, 135, 401, 402.

Архив УГА СПб.

Майшева Юлия Ивановна, дочь.

Мызников С. А.

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

О КОМИ ЗАЙМСТВОВАНИЯХ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

Проблема наследия коми языка в русском языковом континууме объемна и многогранна. Часть слов коми происхождения вошла в русский литературный язык, некоторые лексемы являются интердиалектизмами, и наиболее значимые по объему представляют данные, вошедшие в севернорусские говоры.

Наиболее полно лексика коми происхождения в русском языке рассмотрена в работе Я. Калимы (Kalima, 1927, 1-57). Для современных исследователей характерно изучение лексики локальных групп русских говоров, имеющих контакты с пермскими языками. Работа А. К. Матвеева «Займствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала» (Матвеев, 1964, 285-315) представляет собой довольно полное описание контактного региона; в ней представлено свыше ста заимствований из коми языка, они относятся практически ко всем сторонам жизни человека, хотя, конечно, их объем в разных тематических группах неодинаков. В говорах Волго-Двинского междуречья О. В. Востриков описывает семь этимологических гнезд пермского

происхождения (Востриков, 1981, 19-20). В говорах Верхнего Прикамья А. С. Кривошекова-Гантман описывает свыше семидесяти гнезд коми-пермяцкого происхождения (Кривошекова-Гантман, 1981, 46-62).

Увеличение количества лексикографических и других источников приводит к тому, что появляются данные, которые не были еще введены в научный оборот. Таким образом, представляемые ниже некоторые материалы, могут быть лишь первой заявкой на трактовку их как слов коми происхождения, в дальнейшем возможны корректировки этимологий как по направлениям заимствованиям, так и по их источникам, при том, имеются единицы, коми происхождение которых сомнений не вызывает, например: **ши'ра** 'мышь' Ярен. Волог. (Протопопов, 1847). Волог. (Опыт).

Слово восходит в коми **шыр** 'мышь', при удм. **шыр** 'то же', морд. мокш. **шеерь** 'то же', фин. **hiiri**, хант. **jõŋkar, lõŋkar**, манс. **tehkä'r** 'то же' (КЭСКО, 326). См. также Фасмер, 4, 441.

Кроме того, в ряде случаев, возможен более тщательный анализ финно-угорских данных с апробацией коми заимствований. Так, например, о лексеме **вара'ш** 'ястреб' имелись только данные по Вятской губернии: **вара'ш** 'ястреб' Уржум. Вят., 1882 (СРНГ, 4, 45). **Вора'ш** Вят. (Васнецов; СРНГ, 5, 98). **Варашо'к** Уржум. Вят. (Магницкий, 1884). Однако по последним полевым данным география заимствования значительно расширилась на территории Марий Эл: **ва'раш** 'ястреб' Совет. (Фокино). Килемар. (Водозерье). Мари-Турек. (Хлебниково). Мари-Турек. (Алексеевское) (ПЛГО, 2004). Калима возводил данные Васнецова в коми **variš** 'ястреб' (Калима, 1927, 20), см. также Фасмер, 1, 351. Авторы КЭСКО говорят о заимствовании из пермских языков в русские говоры: коми **варыш**, удм. **варыш**, мар. **вараш, вӱраш** 'ястреб', при манс. **võres** 'хищная птица' (КЭСКО, 47). Но по форме, семантике и территории распространения, более обоснованна марийская этимология, которую предлагает Иванов, ср. мар. **вараш** 'ястреб' (Иванов, 1969, 106). Ср. также мар. **варош, вӱраш** 'ястреб', **калья вӱраш** 'ястреб-мышатник', **орави вӱраш** 'воробьиный ястреб', **вараш цывы** 'ястреб-цыплятник', **кадыр вараш** 'ястреб-тетеревятник' (Петров, 1988, 129). Серебренников также говорит о мар. **вараш** (Серебренников, 1962, 31). Следует отметить, что чуваш. **варакий** 'ястреб-тетеревятник', зафиксированное в говорах верхового диалекта, рассматривается как марийское заимствование (Петров, 1988, 129).

Следует отметить, что интенсивность коми имеет наивысшее проявление в регионах непосредственно граничащих с территориями, в которых проживает или проживало коми население – восточная часть Европейской России, Урал. Именно в этих ареалах фиксируется более всего лексики коми происхождения.

Ажме'к 'скупой человек, скряга' Немск. Вят. (ОСВГ, 1, 23). Можно сопоставить с коми данными, ср. коми *азым* 'неразборчивый в еде' (КЭСКОЯ, 30), *азым* 'неразборчивый в еде, корме' (КРОЧК, 26), *azim* 'жадный человек' (SYRW). Хотя, возможно, что это слово связано с **жмикрома** 'прижимистый, скупой человек' Арх. (Подвысоцкий), которое Фасмер относит к **жми** (от **жать**) **крома** 'ломоть' (Фасмер, 11, 59).

А'зик 'трава (какая?)' Сольвыч. Волог., 1850 (СРНГ, 1, 214). Вероятно, восходит к коми языку, коми диал. *азь* 'ботва', *азьгум* 'борщевик', *az* 'закваска для кислых щей, листья огородных растений (капусты, репы и т.д.)' (КЭСКОЯ). *Az-gum* 'кислица' отмечается в сысол. удор. диал. (SYRW).

Ане'ва 'яркая полоса неба среди туч' Арх. (Даль). Трудно сказать, связано ли с коми языком, ср. коми удор. *jen-ež* 'появившаяся на ясном солнечном небе тонкая прозрачная полоса облаков' (SYRW). Общеперм. **jēnt* 'бог, небо', коми *енэж* 'небо, небеса' – сложное слово буквальный перевод небесный покров (КЭСКОЯ, 99, 331). Начальное [а] в русском слове результат процесса перехода [je] – [o] – [a]; ср. русск. диал. *о'два* из общенародного *едва*. Однако окончательный вывод об источниках русского слова не представляется возможным ввиду неясности происхождения форманта –ва.

А'ци 'прозвище крестьян нижних волостей Усья. Усьян.-Дмитр. **А'цки** 'то же' Усьян.-Дмитр. Явно сопоставляется с коми *ас* 'свой', *асъез* 'свои люди' (СРНГ, 1, 298).

Ба'ра'с 'подтеки, комки засохшей смолы на сосне' Пинеж. (Земцово, Нюхча) (Симиная). Виноград., Вельск., Лешукон., Мезен., Шенк. (АОС, 1, 111). Слово может быть связано с коми ижем. *парас* 'ком, комок' (ССКЗД, 275), связываемое в свою очередь с фин. *parvi* 'стадо, куча' (КЭСКОЯ, 216).

Ку'жборт 'летучая мышь' Перм., 1895 (СРНГ, 16, 19). Вероятно можно представить эту единицу как композит на почве коми языка, ср. коми *куш* 'голый' (ССКЗД, 183), коми *борда* 'птица' (ССКЗД, 23).

Кыр 'самец куницы' Прикамье, 1880 (СРНГ, 16, 202). Трудно судить является ли эта единица заимствованием, или непосредственно записана у носителей коми языка, ср. коми *кыр* 'самец (только о зверях)' (КЭСКОЯ, 153). См. также Аникин, 2000, 343.

Лепу'н 'связанные или сплетенные ветки, которые кладутся на кладку сена для защиты от ветра и дождя' Пинеж. (Кеврола, Филимоново) (Сими́на). «Тонкие березовые деревца или ветки, связанные верхушками для укрепления укладок хлеба, сена и т. п.» Свердл., Тюмен., Пышм. Свердл. (СРНГ, 16, 366). **Лепу'ные** Пинеж. (Летопала, Подрадьё) (Сими́на). **Лепу'ньё** Пинеж. (Кеврола, Летопала) (Сими́на). **Липу'нья** Пинеж. (Матвера) (Сими́на). Данный материал соотносится с коми источниками, ср. коми удор. *ляпйй*, *ляпей*, ижем. *ляпыш* 'ветви, длинные хворостины, связанные вершинами и положенные на стог сена в качестве гнета (для защиты от бури, ветра)' (ССКЗД, 131). Однако направление заимствования остается под вопросом.

Лыч 'картофельная ботва; ботва корнеплодов' Грязовец., Шексн. (СВГ, 1989, 59). Кирил., Шексн. (СРГК, 3, 165). Владыч., Данил., Антропов., Арефин., Большесельск., Буйск., Костром., Любим., Молог., Нейск., Орехов., Первомайск., Пошехон., Пречист., Рыб., Серед., Солигалич., Сусанин., Толбук., Тутаев. (ЯОС, 1987, 21). **Лы'ча** 'картофельная ботва; ботва корнеплодов' Рыб. (ЯОС, 1987, 21). **Лы'чи** Парфеньев. (ЯОС, 1987, 21). **Лы'ча'й** 'картофельная ботва; ботва корнеплодов' Владыч., Пошехон. (ЯОС, 1987, 21). Волог., Киров., Вят., Мар. АССР (СРНГ, 17, 228). **Лы'чей** Сямж., Сокол., Волог. (СВГ, 1989, 59). Владыч. (ЯОС, 1987, 21). **Лыче'й** Любим., Орехов. (ЯОС, 1987, 21). Междуреч., Кадн., Харов., Волог. Волог., Вят., Киров., Мар.АССР (СРНГ, 17, 228). **Лы'чень** Волог. (СВГ, 1989, 56). **Лычey'** Сямж. (СВГ, 59). **Лычь** Волог., Вят., Арх., Киров., Удм. АССР, Мар. АССР, Свердл., Вост. (СРНГ, 17, 229). Ареал рассматриваемых данных — вологодские, ярославские костромские говоры, позволяет предположить влияние коми языка, ср. коми *лыч* 'ботва (редьки, репы и т. п.)', 'жилка листа, черешок листа' (ССКЗД, 209). Однако авторы КРОЧК трактуют слово *лыч* 'ботва (картофеля, репы, брюквы)' как диалектное (КРОЧК, 371), при том что в коми языке более распространена лексема *кор* с основным значением 'лист', употребляемая, однако, в сочетании *картунель кор* 'картофельная ботва' (КРОЧК, 291). Смущает также то обстоятельство, что картофель получил широкое распространение у коми только с середины XIX века, причем по данным конца XIX века наивысший удельный вес посадок картофеля в Коми крае был в Вологодской губернии (Народы Поволжья и Приуралья, 61). Но даже если направление заимствования не вполне удовлетворяет исследование лексемы *лыч* на финно-угорской почве, несомненно, все-таки влияние коми языка. Кривошекина-Гантман говорит о неясности направления заимствования, отмечая слово **лыч** 'стебли

корнеплодов' в Соликамском районе Пермской области, при коми-перм. лыч 'ботва картофеля, репы, брюквы' (Кривошекова-Гантман, 1981, 54). Аникин, напротив, говорит о заимствовании из севернорусских говоров, ссылаясь на праслав. * *lyсь*, которое представляет часть гнезда 'лыко' (Аникин, 1990, 90).

Но'рсы 'ремни у лыж' Холмог. Арх. (СРНГ). Вряд ли связано с кар. *nioga*, вепс. *nor*, люд. *nior* 'веревка' при скандинавском источнике прибалтийско-финского гнезда: швед., норв. *snör* 'веревка' (SSAP, 2, 239). Вероятно, следует возводить к коми *нõрыс* 'шнурки, связки для ног (на лыжах)', сопоставляемое Лыткиным с фин. *näre* 'молодая, маленькая ель' (Лыткин, 1969, 122).

Пывзан 'постройка для жилья в лесу' Сольвыч. Волог. (КСРНГ; СРНГ, 33, 186). Слово восходит к коми *пывсян-керку* 'лесная охотничья избушка в виде четырехугольного сруба с односкатной крышей из луба бересты или досок', *пывсян* 'баня' (КЭСНЯ, 234).

Со'за 'мягкая, пористая внутренность рога (коровы и т. п.) беловатого цвета' Усть-Цилем. Коми АССР (КСРНГ). 'Острые рога (у коровы)' – *Наша корова созу ссадила*. Пинеж. (Юбра). 'Мягкая сердцевина некоторых деревьев' Усть-Цилем. Коми АССР (КСРНГ). 'Гниль в дереве' Перм. 'Трухлявое дерево' Шалин. Свердл. (КСРНГ). 'Начинающее гнить дерево, красноватое в разрезе' Сев. Урал, 1955-1958. 'Снежный наст' Усть-Цилем. Коми АССР (КСРНГ). **Со'зы** 'костяные отростки, из которых вырастают рога' Урал, 1934 (КСРНГ). **Сози'на** 'мягкая, пористая внутренность рога (коровы и т. п.) беловатого цвета' Усть-Цилем. Коми АССР (КСРНГ). 'Мягкая сердцевина некоторых деревьев' Усть-Цилем. Коми АССР (КСРНГ). 'Гнилая сердцевина в дереве' Шадр., Ирбит. Перм. (Опыт). Перм. (Даль). **Со'зна** 'дерево с гнилой сердцевиной' – *Ты свою созну на желоб пожертвуй*. Забайкалье, 1980. **Созова'тый** 'то же, что созовый' Перм. (КСРНГ). Новосиб. Сев. Урал. **Со'зовый** 'больной, с наростами (часто дуплистый), с гнилой сердцевиной (о дереве)' – Ордин. Новосиб., 1965. Новосиб. Свердл. 'Трухлявый (о дереве)' Шалин. Свердл. (СРНГ).

Данное слово восходит к коми *сõз* 'губчатое вещество на конце кости' (Kalima, 1927, 37; КЭСНЯ, 263), при фин. *sasi* 'хрупкое и пористое внутреннее вещество рогов и костей (олений или лосей), роговой нарост', саам. лула *suossa* 'пористая внутренность рога', мар. *siž* 'пористое, хрящевое основание кости' (SKES, 978, 979). У Матвеева

материалы, связанные с гниющей древесиной, сопоставляются с коми *соза пу* 'дерево, начинающее гнить' (Матвеев, 1964, 304).

Фиксация данных коми происхождения в Сибири связана со сравнительно поздними миграционными процессами.

Литература и сокращения

- Аникин, 1990 – Аникин А. Е. Несколько коми-русских лексических сопоставлений // *Linguistica uralica*, Tallinn, 1990. С. 89–92.
- Аникин, 2000 – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000. 768 с.
- Востриков, 1981 – Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981. С. 3–45.
- Востриков, 1990 – Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 96 с.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1–4. М.–СПб., 1880–1882 (2-е изд.).
- Иванов, 1969 – Иванов И. Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // *Советское финно-угроведение*, 1969, V, № 1. С. 105–113.
- Кривошекова-Гантман, 1981 – Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // *Этимологические исследования*. Свердловск, 1981. С. 46–62.
- КРОЧК – Безносилова Л. М., Айбабина, Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукбр. Сыктывкар, 2000. 814 с.
- КСРГН – Картотека Словаря русских народных говоров.
- КЭСЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Лыткин, 1969 – Лыткин В. И. Об огласовках s-овых словообразовательных суффиксов существительных в пермских языках // *Советское финно-угроведение*, 1969, V, № 1. С. 115–126.
- Матвеев, 1964 – Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // *Acta linguistica*. Budapest, 1964. Т. 14, F. 3–4. С. 285–315.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. 275 с.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1, 2. Киров, 1996–1998.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Подвысоцкий – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–8. Вологда, 1983–1999.
- СРГСРУ, 1996 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Под. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996. 580 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1–41. М., Л., СПб., 1965–2007.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.
- Фасмер – Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М., 1986.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Kalima, 1927 – *Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen* // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SYRW – *Wichman Y., Uotila T. Syrjänischer Wortschatz* // LSFU. VII. Helsinki, 1942. 487 s.

Суслов К. А.

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск

РОЛЬ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Типология как особый раздел науки приемлема для всех отраслей знания. В современном языкознании типологическое исследование языков представляется весьма актуальным. За последнее время лингвистическая типология обогатилась исследованиями, посвященными различным сторонам изучения и описания разных систем языков.

На сегодняшний день благодаря интенсивному развитию прагматического направления и введения современных и инновационных технологий в научных исследованиях, в том числе и филологических, весьма универсальным и актуальным становится компьютерная лингвистика, которая различает основные направления: машинный перевод, автоматизация лексикографических работ, автоматический поиск библиографической информации.

Поскольку типология предполагает выявление языковых универсалий в исследуемых языках, то компьютерная лингвистика предполагает универсалии в приемлемости применения ее данных ко всем языкам независимо от их генетического родства. В этом мы видим актуальность данного исследования и его теоретическую

новизну. Компьютерная лингвистика ориентирована на использование компьютерных инструментов – программ для моделирования, функционирования языка в тех или иных условиях и ситуациях.

Машинная обработка естественного языка обычно включает вопросно-ответные системы (тесты), диалоговые системы решения задач и системы обработки связанных текстов. К области компьютерной лингвистики в определенной степени могут быть отнесены работы при создании гипертекстовых систем, рассматриваемых как особый способ организации текста и даже как принципиально новый вид текста. В компьютерной системе гипертекст представлен в виде узла, в основе которого находятся традиционные тексты или их фрагменты, изображения, таблицы, видеоролики и т. д., с помощью чего возможно создание электронных библиотек, словарей, каталогов. В этом мы видим практическую значимость данного направления.

В нашем случае гипертекстом выступает материал для создания электронного учебника, который полезен на практических занятиях в специализированных аудиториях потому, что он позволяет использовать компьютерную поддержку для решения большего количества задач:

- 1) освобождает время для анализа полученных решений и их графической интерпретации;
- 2) позволяет проводить занятия в форме самостоятельной работы за компьютерами, оставляя за собой роль руководителя и консультанта;
- 3) позволяет с помощью компьютера быстро и эффективно контролировать знания, задавать содержание и уровень сложности контрольного мероприятия.

Электронный учебник удобен также потому, что он позволяет выносить на лекционные и практические мероприятия материал исходя из индивидуальных и личностных особенностей пользователя, а также уровня владения материалом, при этом предусматривается индивидуальная и дистанционная работа.

Таким образом, благодаря теоретическим предпосылкам языковой типологии и прикладным данным компьютерной лингвистики, а также компьютерного моделирования возможно:

- 1) унифицирование текстового и гипертекстового материала для электронных носителей;

2) машинная обработка лингвистического материала для решения поставленных целей, например: дан текст, который при помощи определенных запросов в системе структурируется и формируется в модули по разделам и представляется пользователю согласно введенных критериев;

3) доступность материалов пользователю вне зависимости от удаленности центра обработки и каналов связи;

4) универсальность обработки любого лингвистического факта независимо от системы генетического родства языков.

Литература

Глухова Н. Н. Методы лингвистических исследований в изучении марийских фольклорных текстов. Йошкар-Ола, 1999.

Семенова М. Ю. Фонологические средства выразительности марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун. Ханты-Мансийск, 2006.

Федюнева Г. В.

Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЯХ С ПРЕФИКСАЛЬНЫМ *n-(n'-)* В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Известно, что в финно-угорском праязыке отрицательных местоимений не было: отрицание выражалось особой акцентуацией вопросительных слов, их сочетанием с отрицательными глаголами, строем и актуальным членением предложения в целом¹. Такое утверждение вполне согласуется с тем, как представлен этот разряд в современных финно-угорских языках. В прибалтийско-финских, саамском и мордовских нет специальных отрицательных местоимений: в этой функции выступают вопросительные и неопределенные местоимения (напр., морд. *kijak* «кто-то, кто-нибудь»: *kijak ez' korta* «никто не говорил») или их сочетания с отрицательными глаголами и частицами (напр., эст. *keegi* «кто-нибудь»: *ei keegi, mitte keegi* «никто»). В других языках разряд

отрицательных местоимений формировался с помощью специальных пре- и постпозитивных элементов различного происхождения, напр. хант. *kōjy-nā* «никто», *māiālu-nā* «ничто», *äi-mattz* «ничто», манс. *ät-mär* «ничто» и др. Отсутствие регулярных соответствий не позволяет реконструировать общий этимон не только для финно-угорского языка-основы, но и его ветвей.

Вопрос осложняется тем, что во многих языках отрицательные местоимения образуются с помощью *n-(n'-)*-ового префиксального элемента, происхождение которого также проблематично. В большинстве случаев его появление в финно-угорских языках, по-видимому, связано с русским влиянием². Из прибалтийско-финских языков частица *n'i-* как русское заимствование зарегистрирована в карельском и вепском: кар. *ni-ken* «никто», *ni-mi* «ничто», вепс. *ni-miite* «никакой», *ni-kudam* «никоторый». Саамские местоимения *n'ik'e* «никто», *n'im'i* «ничто», *n'ikoz* «никуда», *n'iken* «ничей», *n'imen* «ничего» и т. д. также полностью соответствуют русским моделям. Мордовские диалектные формы, вроде эрз. *n'emez'e* «нечего», *n'ekosto* «неоткуда» и др., как и их русские аналогии, не имеют номинативных форм³. Последовательность, с которой префикс *n'i-* выступает в марийских соответствиях, вроде *n'imo* «ничто», *n'igudo* «никоторый», *n'imolan* «незачем», *n'iguz'e* «никак» и т. д., позволила К. Е. Майтинской высказать предположение о его прафинно-угорском происхождении. Однако позже она пришла к выводу, что «ее объяснение как заимствованной из русского языка является более обоснованным»⁴.

Как и в марийском языке, пермские отрицательные местоимения последовательно образуются от вопросительных с помощью префикса кз. *n'e-*, *n'i-*, кп. *n'e-*, кя. *n'e-*, *n'i-*, удм. *no-*, напр.: кз. *kod* «кто» – *n'ekod* «никто»; удм. *kudmĭ* «кто из нас», *kuddĭ* «кто из вас», *kudzĭ* «кто из них» – *nokudmĭ* «никто из нас», *nokuddĭ* «никто из вас», *nokudzĭ* «никто из них»; кз. кп. *kĭten* «где» – *n'ekĭten* «нигде, негде», удм. *kĭtĭn* «где» – *nokĭtĭn* «нигде, негде»; кз. кп. *kĭtĭs'* «откуда» – *n'ekĭtĭs'* «ниоткуда»; удм. *kĭtĭs'* «откуда» – *nokĭtĭs'* «ниоткуда»; кз. кп. *kĭĭĕ* «куда» – *n'ekĭĭĕ* «никуда, некуда»; удм. *kĭĭĭ* «куда» – *nokĭĭĭ* «никуда, некуда» и т. д.

Б. А. Серебренников считает пермские отрицательные местоимения кальками и возводит коми *n'e-* (*n'i-*) ~ удм. *no-* к общему источнику – русским приставкам *не-*, *ни-*: «На удмуртской почве *не-* превратилось в *no-*»⁵. В. И. Лыткин, напротив, утверждает, что

эти частицы не могут быть русскими заимствованиями, поскольку регулярное соответствие коми *e* > удм. *o* — очень древний процесс; он имел место задолго до того, как пермяне встретились с русскими. В индоевропейских языках также имеется аналогичная частица, но она свидетельствует об очень ранних доуральских контактах финно-угров с индоевропейцами⁶.

Некоторые исследователи, по-видимому, из-за различий в огласовке, возводят их к разным источникам: коми *n'e-* в *n'e-kin*, *n'e-kod* «никто», *n'e-m*, *n'e-mj* «ничто» — к русскому префиксу *ни-*, удмуртскую частицу *no-* в *no-kin* «никто», *no-kudzj* «никоторый», *no-mj* «ничто» — к отрицательной частице финно-угорского происхождения, в конечном счете восходящей «к уральской указательно-местоименной основе *nǝ»⁷.

По нашему мнению, влияние русского языка на формирование пермских отрицательных местоимений исключить нельзя. Во всяком случае, в коми языке оно прослеживается достаточно последовательно. В ижемском диалекте коми-зырянского языка и коми-язвинском наречии, которые испытали наиболее сильное русское влияние, *e*-овой огласовке других диалектов соответствует устойчивая *i*-овая огласовка: иж. *n'ikod* «никто», *n'ikučet* «никакой», *n'ikuž* «никак», *n'ikor* «никогда», *n'ikodnj* «никоторый из вас», *n'ikjēn* «нигде, нигде», *n'ikjē* «никуда, некуда» и т. д.; кя. *n'ikudik* «никоторый», *n'ikudnim* «никоторый из нас», *n'ikučet* «никакой», *n'ikuž* «никак» и т. д. В удмуртских диалектах наряду с приставкой *no-* зарегистрирована также несомненно заимствованная из русского языка приставка *n'e-(ne-)*, которая иногда выступает в составе плеонастического сочетания *n'eno-*, напр.: бес. *n'ekin'* ~ *nokin'* ~ *n'enokin'* «никто», *nokudz* ~ *n'enokudz* «ни тот, ни другой», нч. *n'emj* ~ *n'enomj* «ничего, ничто» и т. д. Ср. тж. лит. разг. *n'enokin* «никто», *n'enokud* «никто», *n'enoken'a* «несколько», *n'enokjēn* «нигде», *n'enokjēns'en* «ниоткуда» и т. д. В кукморском диалекте приставка имеет *i*-овую огласовку, напр., *n'i-nokin'* «никто», а в среднезападных выступает в форме *ng-*: *ngkin*, *ngkijjn*, *ngkiz'j*, *ngken'a* и т. д.⁸

Особого внимания заслуживает тот факт, что аналогичное удвоение приставки встречается и в коми-зырянских диалектах, напр.: скр. *n'ing-kod*, уд. *n'ing-kodi*, вв. *n'ine-kod* «никто», скр. *n'ing-kodar*, уд. *n'ing-kodor* «никоторая сторона», скр. уд. *n'ing-kodnj*

«никоторый из вас», скр.уд. *n'ine-kor* «никогда», вв. уд. *n'ine-kor* «никогда», скр.уд. *n'ine-ken*, вв. *n'ine-ken* «нигде», скр. сс.уд. *n'ine-kučəm*, вв. *n'ine-kučəm*, скр. *n'ine-kjž*, уд. *n'ine-kuž* «никак», скр.уд. *n'ine-kjs'* «ниоткуда», скр.уд. *n'ine-kjti* «ни по какому месту» и т. д.⁹ В верхневычегодском диалекте эти формы имеют усилительно-отрицательное значение, напр.: *n'inekod* «абсолютно никто», *n'inekučəm* «абсолютно никакой», «совсем, совершенно» *n'inekučəm oz təd* «совершенно ничего не знает»¹⁰.

По-видимому, префиксы коми *n'ine-* ~ удм. *n'eno-* могут быть рассмотрены в одном контексте, по крайней мере, некоторые этимологи не исключают такой возможности¹¹. В их составе выделяются сопоставимые элементы коми *n'i-* (*n'e-*) ~ удм. *n'e-* (*ne-*) и коми *ne-* ~ удм. *no-*. Первые с большой долей вероятности могут быть связаны с русским влиянием, особенно, как мы уже отмечали, в коми местоимениях, в том числе, не осложненных элементом *ne-*¹². Как в коми, так и в удмуртском языке они служат в качестве основного маркера или редупликатора отрицательного значения.

Элементы *-ne-* ~ *no-* в пермских языках имеют разный грамматический статус. Префиксальная частица *no-* служит основным средством образования удмуртских отрицательных местоимений, которому в коми языке регулярно соответствует приставка *n'e-* (*n'i-*), заимствованная из русского языка. Сегмент *-ne-* сохранился в составе сложного префикса только в некоторых коми-зырянских диалектах и полностью утратил свое значение¹³. Однако, в историческом плане эти элементы могут быть рассмотрены как регулярное фонетическое соответствие (ср. коми *el-* ~ удм. *og-* «один») и возведены к общему источнику. Косвенным доказательством исконного происхождения удмуртской частицы, на наш взгляд, служит тот факт, что она может употребляться как пре-, так и постпозитивно, напр.: *no-kin-no* «никто», *no-mjŋ-no* «ничто» и т. д.

Таким образом, в пермских языках, кроме отрицательных префиксов кз. *n'e-*, *n'i-*, кп. *n'e-*, кя. *n'e-*, *n'i-*, удм. диал. *n'e-* (*ne-*), *n'i-*, несомненно, заимствованных из русского языка, возможно, сохраняются более древние отрицательные элементы, а именно: удм. *no-* ~ коми *-ne-*.

По-видимому, нельзя полностью исключить существование некоей отрицательной частицы и для более ранних периодов истории. Об этом свидетельствует наличие в пермских, обско-угорских и венгерском языках *n*-овой частицы, содержащей элемент *-m*,

которую «нельзя возводить к какой-либо русской отрицательной частице, т. к. такой частицы в русском языке нет»¹⁴. Е. С. Гуляев возводит коми *n'em* / удм. *n'eta* «ничего» к общепермской форме **n'et* «ничто» и далее к допермской **nēte*¹⁵. Эту отрицательную частицу считают наследием финно-угорского языка-основы¹⁶, хотя имеются параллели также в самодийских языках.

Сокращения

вепс. – вепсский язык, **вв.** – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, **иж.** – ижемский диалект коми-зырянского языка, **кар.** – карельский язык, **кз.** – коми-зырянский язык, **кп.** – коми-пермяцкий язык, **кя.** – коми-язьвинский диалект, **лит.** – литературный язык, **манс.** – мансийский язык, **морд.** – мордовский язык, **нч.** – ниже-чепецкие говоры удмуртского языка, **скр.** – присытывкарский диалект коми-зырянского языка, **сс.** – среднесысольский диалект коми-зырянского языка, **уд.** – удорский диалект коми-зырянского языка, **удм.** – удмуртский язык, **хант.** – хантыйский язык, **эрз.** – эрзя-мордовский язык, **эст.** – эстонский язык.

Примечания

- ¹ Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 294; *Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979. С. 228 и др.
- ² «Частицы типа *ne-*, *n'e-*, *ni-*, *n'i-* вполне могут быть заимствованы из русского языка» (Основы финно-угорского языкознания... С. 295).
- ³ *Зайцева М. И.* Грамматика вепсского языка (фонетика и морфология). Л., 1981. С. 172; *Ермушкин Г. И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М., 1984. С. 123; *Керт Г. М.* Саамский язык. Л., 1971. С. 177 и др.
- ⁴ *Майтинская К. Е.* Указ. соч. С. 229; Она же. Местоименные и служебные слова // Финно-волжская языковая общность. М., 1989. С. 215.
- ⁵ *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963. С. 211.
- ⁶ *Лыткин В. И.* Коми кывлын историческӧй морфология. Пермь-Сыктывкар, 1995. С. 61.
- ⁷ *Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология... С. 229.
- ⁸ *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск, 1998. С. 139.
- ⁹ *Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Отв. ред. В. А. Сорвачева. Сыктывкар, 1961. С. 237.
- ¹⁰ *Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С.* Верхневычегодский диалект коми языка // Историко-филологический сборник: Тр. Ин-та ЯЛИ АН СССР. Коми филиал. Вып. 10. Сыктывкар, 1966. С. 98.
- ¹¹ *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 192.

- ¹² Интересно, что в редуцированных элементах закономерно выступает *i*-овая огласовка, тогда как обычные префиксы в этих диалектах имеют *e*-овую.
- ¹³ К. Е. Майтинская обнаруживает этот элемент также в коми слове *n'ingm* «ничто, ничего», в котором выделяет три компонента: префикс *n'i-*, основу уральского вопросительного местоимения **tɜ* и фрагмент *-ng-* «финно-угорского происхождения, соответствующий *n*-овому префиксу удмуртских отрицательных местоимений» (Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология... С. 230).
- ¹⁴ Основы финно-угорского языкознания... С. 295.
- ¹⁵ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Указ. соч. С. 187.
- ¹⁶ Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология... С. 230.

Якименко О. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

ЯЗЫК(И) СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ДРАМЫ

«Если театральная жизнь в стране действительно бурлит, тут же появляются полчища авторов, говорящих на схожем языке. Если все говорят на разных языках и, в первую очередь, хотят проявить собственную индивидуальность, это тоже неплохо и может оказаться плодотворным, но, судя по признакам, это, скорее, прелюдия возможного расцвета» (Forgács András¹).

Данная статья имеет целью представить краткий обзор основных тенденций в новейшей венгерской драме с точки зрения ее языка, точнее, языков. Драматургия, на наш взгляд, является богатейшим (и недооцененным) источником сведений о современном состоянии языка и инструментом его формирования. Недаром, в случае с английским языком, мы привычно рассматриваем елизаветинскую драму как слепок состояния языка соответствующего периода. Речь не столько об изменениях лексического состава или преобладании конкретных конструкций, их появлении и исчезновении, сколько об общих тенденциях. Последние, безусловно, проявляются и в произведениях других жанров, однако именно в драме они представлены наиболее непосредственно. Авторы пьес быстрее реагируют на трансформации, происходящие в живом, разговорном

языке, да и зрители откликаются на подобные тексты достаточно активно. Драматические тексты также лучше подходят для такого рода обобщений, в силу своей специфики: авторская индивидуальность, естественно, сохраняется и в пьесе, однако драматург вынужден избегать текстов «от автора» и прибегать к полифонии голосов. Малофигурные и монологические драмы, конечно, тоже существуют, но современный театр разнообразен и не ограничивается авторскими высказываниями.

Бурные перемены конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. не могли не отразиться на венгерском театре. С изменением системы финансирования, сокращением количества репертуарных театров появились новые труппы, новые авторы, заметно активизировалась фестивальная жизнь. Изменилась репертуарная политика театров, соотношение жанров и, что непосредственно связано с темой нашего обзора, отношение режиссера к тексту².

В этой связи, в современной венгерской драматургии последних десяти лет (т. е. конца XX – начала XXI вв.), на наш взгляд, можно выделить следующие явления, тесно связанные с языковыми процессами:

1. Венгерские вариации на тему европейской «новой драмы». В европейском театре Новая драма (new writing) возвысила и вернула в театр автора наравне с режиссером. Это направление связано с такими именами как Сара Кейн, Марк Рейвенхилл, Мариус фон Майенбург, Василий Сигарев, Биляна Срблянович и др. В силу своих особенностей (тесная связь с местным культурным контекстом, документальность, использование живой разговорной речи) очень сложна для перевода – как следствие, каждый национальный театр создает ее заново, опираясь на собственный язык (в первую очередь, литературный) во всех его проявлениях. С точки зрения драматургии, в таких пьесах чаще всего отсутствует традиционная структура, они отрывочны, «киношны»³. Отдельные театроведы не видят перспектив для этого направления на венгерской сцене. Андреа Томпа, например, считает, что «...в ряд драматургов «новой драмы» венгерские имена вписать сложно... Это движение задело венгерский театр лишь «по касательной»⁴. Тем не менее, пьесы ряда авторов можно с уверенностью отнести к «новой драме». Это Акош Немет (Németh Ákos), Ласло Гараци (Garácsi László), Вера Фило (Filó Vera) и др.

В качестве характерного примера подобных текстов можно привести отрывок из пьесы Гараци «Плазма» – диалог двух радиоведущих:

МОХАИ: Здравствуй, Будапееешт – в эфире «Тутирадио», сто один и один эф эм. Два диспетчера программы «Мохач ремикс».

ФАБИАН: «Ту-ту-ти-радио» сто один и сто-о-о эф эм

МОХАИ: И с вами...

ФАБИАН: Ди-джей Мохай...

МОХАИ: и ди-джей Фабиан – наш фантастический эм-си, весь с иголки одет – ботиночки, ну-ка, посмотрим, «Саламандра», штаны – «Блумберг» или *(вопросительно)* «Спрингфилд», поло – боже ж ты мой – «Том Тейлор», парфюм *(принохивается)* – «Гуччи» – наш мажорный ди-джей, гений консьюмеризма – успех и гламур ему как другим – кислород, если не ошибаюсь, наш друг вчера прикупил небольшой телеящик в Медиа Маркте – такую штуку классную, обосраться – ой, молчу.

ФАБИАН: Ты что такое говоришь.

МОХАИ: Сори.

ФАБИАН *(наставительно)*: Тут на стене распоряжение руководства, согласно которому таак – *(читает)* запрещено употреблять слова, связанные с мочеиспусканием, эякуляцией, менструацией и дефекацией – врубаешься – дефекацией, запрещено также произносить в эфире семь неприличных слов (...)

В схожем ключе работают еще несколько авторов более старшего литературного поколения – Дёрдь Шпиро (Spíró György) или Андраш Форгач (Forgács András), например. Однако, у них подобные языковые приемы не являются самоцелью и служат, скорее, инструментом для раскрытия характеров героев.

Пример – финальный диалог героев из пьесы Дёрдя Шпиро «Куриные головы»⁵:

ОТЕЦ: ... Так что давай пошевеливайся, чувырла – наведи там порядок...

МАТЬ: Я те шас наведу – твои книжки дурацкие повыкидываю!

ОТЕЦ: Только попробуй, лахудра – схлопочешь у меня...

МАТЬ: И повыкидываю – он сказки читает – народные – старый крестьянин – ой умора!

ОТЕЦ: Ну а чо – хоть красивые на хер – чо ты лезешь в мои дела – и вообще, ты не прыгай тут – прижми задницу и сиди – будь довольна, что я не гоню тебя (...) – тут все будет по-моему – как скажу, так и будет!

2. Переходный вариант. Это направление можно охарактеризовать как очередное поколение «наследников Эркения»: Янош Хаи, или уже упомянутые Шпиро и Форгач. Язык их пьес достаточно изобретателен, он служит не только индивидуальной характеристикой персонажей, но и позволяет делать философские обобщения. Хотя о логике развития характеров и глубоком психологизме можно говорить далеко не всегда. С традицией Эркения эти пьесы сближает фирменный венгерский гротеск.

Яркий пример подобного драматического текста – цикл пьес Яноша Хай о жителях условной венгерской деревни/промышленного пригорода в условно-застойные, раннеперестроечные годы. Герой пьесы «Геза-дурачок» – мальчик-аутист, взятый на работу контролером ленты транспортера поднимается в своих путаных репликах до настоящей философии⁶:

- ГЕЗА: Знаете, мама, что с этими плитками не так...
- ТЕТЯ РОЗИ: Что, сынок, скажи!
- ГЕЗА: Сколько ни смотрю – никак не могу решить, то ли белые на черном, то ли черные на белом, какие из них лента, а какие – камни. (...) А Бог знает? Он знает, мама?
- ТЕТЯ РОЗИ: Он-то знает, сынок, наверняка.
- ГЕЗА: А если что-то случится?
- ТЕТЯ РОЗИ: Что случится?
- ГЕЗА: Ну, на земле, беда какая-нибудь случится. (...) Он тогда исправит?
- ТЕТЯ РОЗИ: Не знаю, сынок. Может, и нет.

3. Мы не случайно охарактеризовали предыдущую группу авторов как «переходный вариант». Гротеск, как изобразительное средство, – характерная черта произведений еще одного автора, Петера Карпати (Kárpáti Péter), чьи драмы вообще с трудом вписываются в какую-либо европейскую традицию – в них нет брутальности или жестокости (одно из основных направлений новой драмы как раз называют «новой брутальностью»); автор не использует технику живой речи (прием документальной драмы); не является гиперреалистом или «новым натуралистом»; не привязан к реальности; не берет на себя открытой общественно-политической роли; язык пьес лишен привычной для современной драмы вульгаризации и обилия обсценной лексики⁷.

Новая драма привнесла в театр, в первую очередь, не новую драматургию, но новый сценический язык; лишенную театральности (и, в этом смысле, противоречащую режиссерскому театру) игру, сконцентрированную на актере и на слове. Пьесы Карпати как новые (в прямом смысле слова) драмы, требуют нового сценического языка. Драматургия его пьес всегда нелинейна – это фрагментарные повествования, похожие на сказку, плетение со сложным рисунком, язык героев – зачастую выдуманный поэтический диалект (особый функциональный стиль) – разбавлен современным юмором (чего стоят одни имена героев – Распутинка и Незнайка из пьесы «Янош Палинкаш»).

Пример – отрывок из пьесы Карпати «Четвертые врата», в основу которой легли еврейские легенды о святом человеке – Ирлеле.

ИРЛЕЛЕ: Посмотри на этот грубый мир!

ХЕРШ: Смотрю, да не вижу.

ИРЛЕЛЕ: И ты ослеп?

ХЕРШ: Напротив. Вы ведь, ребе, святой человек, знаете: мир прекрасен.

ИРЛЕЛЕ: Не говори.

ХЕРШ: И светел!

ИРЛЕЛЕ: Идем, опишешь подробно!

ХЕРШ: Словами? Это невозможно – видеть надо!

4. И уж совсем особняком стоит творчество Яноша Тереи⁸. Этот молодой автор мощно заявил о себе радикальной тетралогией «Жилой квартал «Нибелунги»» (A Nibelung-lakópark). В основе пьес, написанных в стиле классической поэзии с использованием современного сленга, – сюжет вагнеровского «Кольца Нибелунгов». Наряду с очевидными историческими и кинематографическими аллюзиями, в тексте множество указаний на события новейшей истории. Так разрушение башни Нибелунгов явно соотносится с трагедией во Всемирном торговом центре 11 сентября 2001 г. – отрывок из монолога Зигфрида: «Тому полвека / Я видел сон: наш сын сюда вернется / и отомстит за мерзостные наши / утехы, за каждый счастья день. / Наш сын / в хлев ясли превратит, / сорвет с нас бархат / и втопчет в грязь».

Иронический, якобы «высокий стиль» у Тереи, с одной стороны, является наследием не до конца реализованного в венгерской литературе жанра стихотворного романа, а с другой – вновь отсылает нас к традиции театра гротеска. Справедливости ради, надо отметить, что в своих последующих пьесах автор обращается к более реалистичным сюжетам, не отказываясь, однако, от характерного стиля.

Данный обзор отнюдь не претендует на абсолютную полноту. Наша задача, скорее, показать те направления в современном венгерском театре, которые отражают определенные языковые процессы. За рамками статьи остались как более традиционные пьесы, так и особенности сюжетов, характеров и драматургии вообще.

Примечания

¹ Forgács András: *Kitörési pont*. Jelenkor 2004. év, 47. évfolyam, 6. sz. 513. o.

- ² Нанаи Иштван. «Венгерский театр конца 90-х годов» // Петербургский театральный журнал № 23, 2001 г.
- ³ Fülöp Johanna: *A Kortárs Magyar Dráma Nyílt Fóruma* 2006.
<http://www.szinhas.hu/index.php?id=1244&cid=16225>
- ⁴ Tompa Andrea: *Időszerűtlen drámák. Kárpáti Péter: A kivándorló zsebkönyve. Jelenkor* 2005. év 48. évfolyam 6. sz. 652. o.
- ⁵ Мавзолей. Современная венгерская драматургия. Москва: Три квадрата, 2006. С. 263.
- ⁶ Там же. С. 318.
- ⁷ Tompa Andrea. Op. cit.
- ⁸ Térey János: *A Nibelung-lakópark*. Budapest, Magvető Kiadó, 2004.

Содержание

Аасмяэ Нина. О вариативности просодии в эрзянском языке	3
Бери А. А. О модальном глаголе <i>tulla</i> в финском языке	7
Герасимова Д. В. Пространственно-временные отношения мансийских (вогульских) мифах	12
Горина Н. В. Приемы карнавализации в комедии Г. Юшкова «Коми бал»	16
Ельцова Е. В. Особенности и роль ритма в прозе коми писателя В. Чисталева	22
Зиявадинова О. С. Натурфилософские мотивы в поэзии И. А. Куратова и З. Ф. Дорофеева	27
Колпакова Н. Н. Клара Евгеньевна Майтинская – выдающийся ученый и талантливый учитель	30
Кузнецова Т. Л. Особенности художественной картины мира в киноповести Ю. Екишева «Ангел рода»	34
Лисовская Г. К. Каллистрат Жаков и Фридрих Ницше	37
Лудыкова В. М. Сложноподчинённые предложения с приаъективной придаточной частью в коми языке	42
Лыскова Н. А. Исследователь хантыйского языка Терешкин Николай Иванович (1913–1986)	46
Люблинская М. Д. Фонологическое оформление личной формы глагола в северо-самодийских языках (к постановке задачи)	52
Майшева Ю. И. Майшев Иван Иванович (1904 – 1942)	55
Мызников С. А. О коми заимствованиях в севернорусских говорах	57
Суслов К. А. Роль информатизации сферы образования	63
Федунева Г. В. Об отрицательных местоимениях с префиксальным <i>n-(n')</i> в пермских языках	65
Якименко О. А. Язык(и) современной венгерской драмы	70